

МАРГАРИТА ФУАРО

БЫВШИЙ МУЖ
изменил.

— А ТЕПЕРЬ —
МЫ ВЫЖИВАЕМ
В МИРЕ ДРАКОНОВ

Маргарита Фуаро

Измена. А теперь мы выживаем в мире драконов

<https://litres.ru/74345763>

Аннотация

ФИНАЛ Я собиралась развестись с мужем в тот день, когда наш мир рухнул.

Он изменил мне. Предал. Разбил всё, что я годами называла семьёй. Я забрала маленькую дочь и ушла, потому что больше не могла жить рядом с человеком, которому не верила.

Но вместо свободы получила новый кошмар.

Одна вспышка - и мы втроём оказались в чужом средневековом мире. Здесь меня называют леди разрушенного драконьего замка, его - моим мужем, а нашу дочь - последней наследницей древней крови.

За ней уже охотятся. Замок на грани падения. Драконы возвращаются. А единственный человек, который может нас защитить, - мужчина, однажды уже предавший нашу семью.

Чтобы выжить, нам придётся держаться вместе.

Вот только я больше не верю ни одному его слову.

Содержание

Глава 1. День, когда я ушла	4
Глава 2. Не подходи к нам	21
Глава 3. Замок, в котором умирают	37
Глава 4. Яйцо под руинами	56
Глава 5. Знак на башне	70
Глава 6. До полуночи	84
Глава 7. Красный огонь	98
Глава 8. Тот, кто спал под замком	115
Глава 9. Цена огня	130
Глава 10. Имя, которым подчиняют	145
Глава 11. Клятва не о любви	160
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Глава 1. День, когда я ушла

В тот день, когда я решила уйти от мужа, он впервые за долгое время принёс мне цветы.

Жаль только, что пахли они не любовью.

А чужой женщиной.

Я стояла посреди кухни, босыми ногами на холодной плитке, и смотрела на букет белых роз, лежащий на столе. Красивый. Дорогой. Слишком правильный.

Такие букеты не покупают по дороге домой просто так.

Такими букетами затыкают вину.

— Мам, а это тебе? — спросила Алиса, выглядывая из-за дверцы холодильника.

Ей было четыре. Возраст, когда дети ещё верят, что если папа принёс маме цветы, значит, всё хорошо. Возраст, когда мир делится на простое: мама улыбается — значит, дома тепло. Мама плачет — значит, случилось что-то страшное.

Я заставила себя улыбнуться.

— Мне, солнышко.

— Красивые.

— Очень.

Алиса подошла ближе, потянулась пальчиками к лепесткам, но потом вдруг наморщила нос.

— Они невкусно пахнут.

Я тихо усмехнулась.

— Да, зайка. Бывает.

На экране моего телефона всё ещё светилось сообщение.
Не моё.

Его.

Я не должна была его видеть. Наверное, в нормальной жизни люди не смотрят в чужие телефоны. Наверное, хорошие жёны доверяют. Наверное, правильные женщины не ищут доказательств, потому что боятся их найти.

Но я давно уже не была ни хорошей, ни правильной.

Я была уставшей.

Я была женщиной, которая месяцами просыпалась ночью от ощущения, что рядом лежит чужой человек. Который возвращался поздно, говорил односложно, прятал экран вниз, раздражался на любые вопросы и слишком часто “задерживался на работе”.

А сегодня его телефон завибрировал, когда он был в душе.
Одно сообщение.

Всего одно.

“Ты сказал ей, что между вами всё давно умерло?”

Я перечитала его, наверное, раз десять.

Не потому, что не поняла.

А потому, что тело отказывалось принимать смысл.

Между нами всё давно умерло.

Вот как он ей сказал.

Не “у нас кризис”.

Не “я запутался”.

Не “я люблю жену, но...”

Нет.

Умерло.

Я посмотрела в сторону ванной. За дверью шумела вода. Дмитрий что-то напевал себе под нос. Спокойно. Буднично. Так, будто несколько минут назад он не положил на наш кухонный стол букет для женщины, которую уже похоронил в разговоре с другой.

А я всё ещё стояла.

Дышала.

Держала в руках телефон.

И почему-то думала не о нём.

А о том, что утром Алиса попросила блинчики в форме сердечка, и я сделала. Один подгорел, второй развалился, третий получился почти красивым. Она смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

— Мам, это сердце для папы!

Я тогда тоже улыбалась.

Какая же я была дура.

— Мам? — Алиса потянула меня за футболку. — А папа скоро выйдет?

Я заблокировала экран и положила телефон обратно. Ровно туда, где он лежал.

— Скоро.

— Мы будем ужинать?

Я посмотрела на кастрюлю с супом. На три тарелки. На маленькую розовую ложку Алисы. На хлеб, который нарезала заранее. На салат, который Дмитрий любил раньше.

Раньше.

Какое странное слово.

В нём помещается целая жизнь.

Раньше он писал мне: “Доехал”.

Раньше целовал в висок, проходя мимо.

Раньше говорил, что я смешная по утрам.

Раньше держал мою руку в роддоме и плакал, когда услышал первый крик Алисы.

Раньше я думала, что мы семья.

Теперь он говорил кому-то, что между нами всё умерло.

— Нет, зайка, — сказала я и удивилась, как спокойно прозвучал мой голос. — Мы с тобой соберём вещи.

Алиса нахмурилась.

— Какие вещи?

— Самые нужные.

— Мы поедем к бабушке?

Я медленно выдохнула.

— Пока да.

— А папа?

Ванная дверь открылась.

Дмитрий вышел с полотенцем на плечах, в домашних штанах, с мокрыми волосами. Красивый. Всё ещё красивый, будь он проклят. Тот самый мужчина, в которого я когда-то влюбилась так глупо и безоглядно, что не оставила себе ни одного безопасного места внутри.

Он посмотрел на меня, потом на Алису, потом на букет.

— Не поставила в воду?

Я молчала.

Он нахмурился.

— Марин?

— Алиса, иди в комнату, собери зайца и пижаму.

— Но ужин...

— Потом, солнышко.

Дочка почувствовала что-то в моём голосе. Дети всегда чувствуют. Даже когда взрослые ещё продолжают играть в нормальность.

Она прижала к груди край кофточки и тихо спросила:

— Мам, ты злишься?

Я присела перед ней и погладила её по щеке.

— Нет. Я просто устала.

Это была почти правда.

Я не злилась.

Злость пришла бы потом.

Сейчас внутри было пусто. Так пусто, будто кто-то вынул из меня всё живое и оставил только оболочку, которая умела

говорить, ходить и собирать детские вещи.

Алиса ушла в комнату.

Дмитрий смотрел на меня уже иначе.

Настороженно.

— Что происходит?

Я взяла со стула свою кофту.

— Я ухожу.

Он моргнул.

— Что?

— Я забираю Алису и ухожу.

— Марина, ты сейчас серьёзно?

Я усмехнулась.

Какая мерзкая фраза.

Будто я могла сказать это просто так. Между делом. От скуки. Чтобы добавить вечеру красок.

— Вполне.

— Из-за чего?

Я посмотрела на него.

Вот тут внутри что-то всё-таки треснуло.

— Из-за чего?

— Я не понимаю.

— Правда?

Он отвёл взгляд на секунду.

На одну короткую секунду.

Но мне хватило.

— Ты читал мой телефон? — спросил он глухо.

— Нет, Дима. Твой. Он лежал на столе. Она написала.
Лицо у него изменилось.

Не сильно. Дмитрий всегда умел держаться. Даже когда врал. Особенно когда врал.

— Марин, давай спокойно поговорим.

— Я спокойна.

— Нет, ты на эмоциях.

Я тихо рассмеялась. Не весело. Почти беззвучно.

— Конечно. Женщина, которой изменили, всегда “на эмоциях”. Очень удобно.

— Всё не так просто.

— А как?

Он провёл рукой по мокрым волосам, раздражённо выдохнул.

— У нас давно проблемы.

— У нас есть ребёнок, ипотека, работа, усталость и жизнь.
Это называется не проблемы, а семья.

— Ты сама понимаешь, какой стала в последнее время?

Я замерла.

Вот она.

Та самая фраза.

Не “прости”.

Не “я виноват”.

Не “я сделал больно”.

А “ты сама”.

— Какой? — спросила я очень тихо.

Дмитрий понял, что сказал лишнее, но остановиться уже не смог.

— Холодной. Вечно недовольной. Ты постоянно уставшая, раздражённая. С тобой невозможно нормально поговорить. Я прихожу домой — и сразу список претензий.

Я кивнула.

— А она?

— Что она?

— Она не уставшая?

Он сжал челюсть.

— Не надо.

— Она не спрашивает, оплатил ли ты садик? Не напоминает, что у ребёнка кашель? Не просит купить молоко, потому что ты опять забыл? Не ждёт тебя до ночи с ужином? Не засыпает одна, пока ты “на работе”?

— Марина...

— Конечно, с ней легче.

Голос дрогнул только на последнем слове. Я ненавидела себя за это.

Не хотела плакать.

Не перед ним.

Ни за что.

Из комнаты вышла Алиса. В одной руке она держала плюшевого зайца, в другой — маленький рюкзачок с блёстками.

— Мам, я взяла Мишу.

Заяц был не Миша, а Степан. Но сейчас это было неважно.

Дмитрий посмотрел на дочь, и в его глазах мелькнул страх.

Наконец-то.

— Алиса, иди ко мне, — сказал он мягко.

Дочка шагнула было к нему, но остановилась и посмотрела на меня.

Раньше она бы побежала сразу.

Теперь даже она ждала моего разрешения.

Дмитрий это заметил.

И побледнел.

— Ты не заберёшь у меня дочь, — сказал он уже другим голосом.

Я медленно выпрямилась.

— Я не забираю её у тебя. Я забираю её из дома, где её мать перестали уважать.

— Не драматизируй.

— Драматизировать надо было раньше. Когда ты впервые ей написал.

Он резко подошёл ближе.

— Мы не будем обсуждать это при ребёнке.

— Мы вообще больше ничего не будем обсуждать.

— Марина, остановись.

— Нет.

Я прошла мимо него в коридор. Руки дрожали, когда я

снимала с вешалки куртку Алисы. Дима пошёл следом.

— Ты сейчас уйдёшь, а потом что? Развод? Делёжка? Суд? Ты об этом подумала?

— Да.

— И где ты будешь жить?

— Не твоё дело.

— То есть ты готова разрушить семью из-за одной ошибки?

Я остановилась.

Очень медленно повернулась к нему.

— Ошибка — это купить не тот йогурт. Забыть ключи. Перепутать время записи к врачу. А когда ты месяцами врёшь жене и ложишься в постель с другой женщиной — это выбор.

Он молчал.

Алиса тихо всхлипнула.

Я тут же опустилась к ней.

— Тише, солнышко. Всё хорошо.

— Вы с папой ругаетесь?

— Немного.

— А папа с нами поедет?

Я закрыла глаза.

Вот где боль была настоящей.

Не в сообщении. Не в букете. Не в его оправданиях.

А в этом маленьком голосе, который всё ещё верил, что мама и папа — это одно целое.

— Нет, зайка, — сказала я. — Пока нет.

Дмитрий резко выдохнул.

— Марина, хватит. Ты никуда не поедешь.

Я поднялась.

— С дороги.

— Нет.

Мы стояли в узком коридоре. Между нами — чемодан, детский рюкзак, четыре года брака после рождения Алисы и ещё пять до этого. Все наши отпуска, ссоры, планы, кредиты, фотографии, смешные переписки, первые шаги дочери, больницы, Новый год, когда мы ели мандарины прямо на полу.

Всё это лежало между нами.

И ничего уже не могло нас удержать.

— Я вызову такси, — сказала я.

— Я не пущу.

— Ты уже отпустил меня, Дима. Просто сам ещё не понял.

Он вздрогнул, будто я ударила его.

Потом вдруг схватил куртку, ключи от машины.

— Хорошо. Хочешь к матери? Я отвезу.

— Не надо.

— Надо. Я не позволю тебе тащить ребёнка ночью непонятно куда.

Я хотела отказаться.

Очень хотела.

Но за окном уже темнело. Алиса была в лёгких ботинках.

Мама жила на другом конце города. Такси ждать двадцать минут.

А я вдруг поняла, что сил спорить больше нет.

— Только довезёшь, — сказала я. — И уедешь.

Он ничего не ответил.

Через десять минут мы ехали по мокрой дороге. Дождь бил по лобовому стеклу, дворники метались туда-сюда, будто пытались стереть не воду, а этот вечер.

Алиса уснула в кресле почти сразу. Плюшевый заяц лежал у неё на коленях, голова съехала набок. Я поправила ей шапку и отвернулась к окну.

В салоне пахло его одеколоном.

И розами.

Ненавижу розы.

— Марин, — тихо сказал Дмитрий.

— Не надо.

— Послушай меня.

— Нет.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

Я медленно повернула голову.

— А как ты хотел? Чтобы я не узнала?

Он сжал руль.

— Я хотел разобраться.

— С кем? С ней или со мной?

— С собой.

— Удобно.

Он ударил ладонью по рулю.

— Да, я виноват! Этого ты хочешь услышать?

Алиса шевельнулась во сне.

— Тише, — прошипела я.

— Прости, — он выдохнул, уже тише. — Просто... я не знаю, как всё исправить.

— Никак.

— Не говори так.

— Почему? Потому что тебе неприятно?

Он посмотрел на меня. В свете встречных фар его лицо казалось чужим. Резким. Уставшим. Испуганным.

— Я не хочу терять вас.

Я улыбнулась.

Губы сами сложились в улыбку, но внутри было ледяно.

— Нужно было вспомнить об этом раньше.

Дорога впереди блеснула водой. Где-то далеко ударил гром.

Слишком громко.

Так громко, что машина будто вздрогнула.

Дмитрий нахмурился.

— Странно...

Небо впереди вспыхнуло.

Не молнией.

Свет был не белый и не синий. Золотой. Густой. Словно кто-то разорвал темноту изнутри и выплеснул на дорогу расплавленное солнце.

Я вскрикнула.
Дмитрий резко вывернул руль.
Мир перевернулся.
Визг тормозов.

Крик Алисы.

Удар.

Стекло, рассыпающееся звёздами.

Его рука, пытающаяся удержать меня.

Мой собственный голос:

— Алиса!

А потом всё исчезло.

Не стало дороги.

Не стало машины.

Не стало дождя за стеклом.

Была только тишина.

Такая глубокая, будто я провалилась под воду.

Я не знаю, сколько прошло времени.

Секунда.

Минута.

Жизнь.

Первым вернулся холод.

Он впился в кожу так резко, что я судорожно вдохнула и закашлялась. Под ладонями была не ткань сиденья, не пластик машины, а мокрая земля.

Грязь.

Я открыла глаза.

Надо мной висело чужое небо.

Низкое, серое, тяжёлое. По нему ползли тучи, а между ними мелькали странные багровые просветы, словно где-то далеко горел пожар.

Я попыталась подняться — и застонала.

Тело было не моим.

Я поняла это сразу.

Слишком длинные волосы липли к лицу мокрыми прядями. На мне было тяжёлое платье, разорванное на рукаве, пропитанное грязью и чем-то тёмным. На пальцах — кольца. На шее — холодная цепь.

Я с ужасом посмотрела на свои руки.

Тонкие. Белые. Чужие.

— Нет... — прошептала я. — Нет-нет-нет...

Где-то рядом заплакал ребёнок.

Мой мир снова собрался в одну точку.

— Алиса!

Я рванулась на звук, спотыкаясь в тяжёлой юбке. Дочка сидела в траве в нескольких шагах от меня. В своей курточке. В своих ботинках. С зайцем в руках.

Моя.

Живая.

Я упала рядом с ней на колени и прижала к себе так сильно, что она пискнула.

— Мамочка...

— Я здесь. Я здесь, солнышко. Всё хорошо. Всё хорошо.

Но ничего не было хорошо.

Потому что вокруг нас не было дороги.

Не было машины.

Не было города.

Был лес. Чёрный, мокрый, огромный. Была разбитая телега неподалёку. Были следы крови на земле. Было несколько неподвижных тел в странной одежде.

И был мужчина.

Он лежал чуть дальше, лицом вниз, в тёмном плаще. На поясе у него висел меч.

Я замерла.

Мужчина пошевелился. Медленно поднялся на локтях. Потом сел, держась за голову.

Чужое лицо.

Резкие скулы. Тёмные волосы до плеч. Шрам у виска. Широкие плечи. Одежда, похожая на средневековую.

Но глаза...

Глаза были Дмитрия.

Он посмотрел на меня.

И я поняла, что он тоже всё понял.

— Марина... — хрипло произнёс он.

Алиса вцепилась в мою шею.

Дмитрий попытался подняться и шагнул к нам.

Я выставила руку.

— Не подходи.

Он остановился.

На его лице промелькнула боль. Настоящая или нет — я уже не знала. Я больше не умела ему верить.

— Марин, я...

— Не подходи к нам, — повторила я.

В этот момент из леса донёсся звук.

Низкий. Глухой. Протяжный.

Он прошёл по земле дрожью, забрался под кожу, заставил деревья застонать, а Алису — всхлипнуть мне в плечо.

Это был не волк.

Не медведь.

Не зверь из нашего мира.

Где-то в чёрном небе над лесом вспыхнула золотая полоса огня.

И следом раздался рёв.

Драконий.

Дмитрий медленно обернулся.

А я крепче прижала к себе дочь и впервые за весь этот ужас поняла:

развод придётся отложить.

Потому что теперь нам нужно было выжить.

Глава 2. Не подходи к нам

Рёв прокатился над лесом так низко, будто само небо треснуло.

Я вжала Алису в себя, закрывая её руками, телом, остатками здравого смысла — всем, что у меня ещё было. Дочь дрожала. Маленькие пальцы вцепились в ворот моего чужого платья, а плюшевый заяц, чудом оказавшийся с нами, висел у неё под мышкой грязным, мокрым комком.

— Мамочка... — прошептала она. — Это кто?

Я не смогла ответить.

Потому что в нашем мире на этот вопрос не существовало ответа.

Над верхушками деревьев мелькнула тень.

Огромная.

Невозможная.

Она скользнула по серому небу, закрывая собой багровый просвет между тучами, и исчезла так быстро, что я могла бы убедить себя: показалось. После аварии. После удара. После всего.

Но земля под коленями дрожала.

И воздух пах гарью.

Дмитрий стоял в нескольких шагах от нас, бледный, в чужом теле, с мечом у бедра. Он тоже смотрел в небо. Лицо у него было такое, каким я не видела его ни разу за все годы

брака.

Не раздражённое.

Не уставшее.

Не виноватое.

Испуганное.

По-настоящему.

— Марина, — сказал он тихо. — Нам нужно уходить.

Я посмотрела на него так, что он замолчал.

Уходить.

Как будто мы просто заблудились в парке. Как будто за пять минут до этого не летели по мокрой дороге, не слышали крик нашей дочери, не проснулись в чужих телах посреди леса, среди мёртвых людей и разбитой телеги.

Как будто он всё ещё имел право говорить мне, что делать.

— Не подходи, — повторила я.

Он сжал челюсть.

— Я не к тебе. Я к Алисе.

— Тем более.

Его лицо дёрнулось.

Больно?

Хорошо.

Пусть тоже попробует.

Пусть хоть раз поймёт, каково это — стоять рядом с человеком, которого любишь, и знать, что больше нельзя протянуть руку.

Алиса подняла голову с моего плеча.

— Папа?

Голос у неё был маленький-маленький.

Дмитрий сделал шаг вперёд, но я качнула головой.

— Стой там.

— Марин...

— Я сказала — стой.

Он остановился.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга через мокрую траву, грязь, чужой мир и всё то, что случилось между нами ещё до него.

Потом где-то за деревьями раздался треск.

Сухая ветка сломалась под чьей-то ногой.

Я резко обернулась.

Лес был тёмный. Слишком тёмный для того неба, которое висело над нами. Стволы казались чёрными колоннами, уходящими в сырой туман. Между ними что-то двигалось.

Не дракон.

Меньше.

Ближе.

Дмитрий медленно опустил руку на рукоять меча.

Я почти рассмеялась от ужаса.

Он даже ножом-то нормально пользовался только на кухне, когда резал мясо для шашлыка. А теперь стоял с мечом, будто это могло нас спасти.

— Ты умеешь? — спросила я хрипло.

— Что?

— Этим пользоваться.

Он посмотрел на меч так, словно впервые заметил его.

— Нет.

— Прекрасно.

— Но если кто-то выйдет из леса, я хотя бы попробую.

— Поздно решил стать героем.

Он вздрогнул, но ничего не ответил.

И правильно.

Не время.

Хотя внутри меня всё равно жила эта злая, обожжённая часть, которая хотела бить словами. Хотела ранить. Хотела, чтобы ему было так же больно, как мне на той кухне, рядом с белыми розами.

Но Алиса тихо всхлипнула, и злость отступила.

Сейчас была только она.

Моя девочка.

Моя жизнь.

— Слушай меня, солнышко, — прошептала я ей на ухо. — Сейчас мы встанем. Тихонько. И пойдём туда, где нет леса. Хорошо?

— А домой?

Я закрыла глаза.

На секунду.

Всего на одну.

Перед глазами вспыхнула наша квартира. Маленькая прихожая. Розовые сапожки Алисы. Магнетики на холодильнике.

ке. Недопитый чай. Букет роз на столе.

Дом.

Которого, возможно, больше не было.

— Сначала найдём безопасное место, — сказала я.

Алиса кивнула, но по её лицу было видно: она не понимает. И не должна понимать. Ей четыре. В четыре года дети должны выбирать мультики, а не учиться молчать, когда в лесу ходит что-то чужое.

Я попыталась подняться.

И тут же едва не упала.

Платье было тяжёлым, мокрым, длинным. Ноги путались в ткани. Корсет — или что-то похожее на него — сдавливал рёбра. Волосы липли к щекам. Всё тело болело так, будто меня били.

Не моё тело.

Эта мысль снова ударила.

Я опустила взгляд на руки. Тонкие пальцы. Длинные ногти. Серебряное кольцо с чёрным камнем. На запястье — старый синяк, уже пожелтевший по краям.

Кто ты? — хотела спросить я у этой женщины, в чьей коже оказалась.

Но времени не было.

Из леса донёсся мужской голос.

Грубый. Незнакомый.

— Здесь!

Дмитрий резко повернулся.

Между деревьями появились люди.

Трое. Нет, пятеро. В кожаных куртках, с короткими мечами и арбалетами. Не солдаты из кино. Грязные, мокрые, настоящие. Такие, у которых под ногтями земля, а на лицах — привычка убивать.

Один из них увидел нас и усмехнулся.

— Гляньте-ка. Господа живые.

У меня похолодело в груди.

Он говорил не на русском.

Я слышала странные резкие слова, чужие звуки, но понимала их. Так, будто смысл вспыхивал прямо в голове.

Дмитрий тоже понял. Я увидела это по его лицу.

— Кто вы? — спросил он.

Голос у него прозвучал ниже, чем обычно. Чужое горло. Чужая грудь. Чужая сила.

Мужчина с арбалетом прищурился.

— А ты ударился крепко, милорд? Уже своих должников не узнаёшь?

Милорд.

Я медленно вдохнула.

Плохо.

Всё становилось ещё хуже.

Главарь перевёл взгляд на меня. Потом на Алису. И его усмешка стала шире.

— А это что за птенчик?

Я сильнее прижала дочь к себе.

— Не трогайте её.

— О, леди заговорила. А я слышал, вы только визжать умеете.

Дмитрий шагнул между нами.

— Отойди.

— Иначе что? — мужчина поднял арбалет. — Заколешь меня, Каэль Рейнар? Ты меч-то помнишь, с какой стороны держать?

Каэль.

Имя впилось в воздух, как гвоздь.

Дмитрий замер на долю секунды.

Ошибся.

Главарь это заметил.

— Что, правда память отшибло?

Арбалет щёлкнул.

Я не думала.

Просто схватила с земли камень и метнула.

Попала не в голову, как хотелось, а в плечо. Мужчина выругался. Арбалет дёрнулся в сторону, болт ушёл в дерево рядом с Дмитрием.

Алиса закричала.

Дальше всё произошло быстро.

Дмитрий бросился вперёд. Неумело, резко, почти отчаянно. Меч он вытащил плохо, рукоять скользнула в ладони, но тело, в котором он оказался, видимо, знало больше, чем он сам. Удар вышел неровный, но сильный. Один из нападав-

ших отлетел назад.

Двое других рванули к нему.

Я, прижимая Алису к себе, попятилась к разбитой телеге. Сердце билось так, что темнело в глазах.

— Сиди здесь, — прошептала я дочери, заталкивая её за перевёрнутый борт. — Сиди тихо. Не выходи, что бы ни случилось.

— Мам...

— Алиса, пожалуйста.

Она зажала рот ладошкой.

Я повернулась как раз в тот момент, когда главарь снова поднял арбалет.

Не на Дмитрия.

На нас.

Я увидела наконечник болта.

Увидела его взгляд.

Успела подумать только одно: нет.

А потом между нами оказался Дмитрий.

Болт ударил ему в плечо.

Он вскрикнул и пошатнулся, но устоял.

Мир на секунду остановился.

Я смотрела на тёмное древко, торчащее из его плеча, на кровь, мгновенно расплзающуюся по чужой рубахе, и не могла вдохнуть.

Он закрыл нас собой.

Дмитрий.

Мой бывший муж.

Человек, который разбил мне сердце.

Человек, которому я больше не верила.

Закрыл нас собой.

— Папа! — закричала Алиса.

Этот крик словно прорезал что-то невидимое.

В лесу снова раздался рёв.

Но теперь он был ближе.

Нападавшие замерли. Даже главарь побледнел.

Над деревьями поднялся ветер. Не обычный — горячий.

Он ударил в лицо запахом дыма и пепла. Где-то наверху хлопнули огромные крылья.

— Дракон... — прошептал один из людей.

Главарь выругался.

— Уходим!

Они бросились в лес так быстро, будто забыли и про нас, и про добычу, и про свою наглость.

Я не стала ждать, пока они передумают.

Подскочила к Дмитрию.

— Сядь.

— Я в порядке.

— Не беси меня, Дима. Сядь.

Он странно посмотрел на меня. Почти улыбнулся, несмотря на кровь и серое лицо.

— Всё ещё Дима?

Я стиснула зубы.

— Для меня — да.

Он сел на землю тяжело, с глухим стоном. Я посмотрела на болт и поняла, что не знаю, что делать. Совсем. В фильмах их вытаскивают. В книгах перевязывают. В жизни от таких ран умирают.

Руки задрожали.

Ненавижу.

Ненавижу этот мир.

Ненавижу его.

Ненавижу себя за то, что мне страшно за него.

— Мамочка, папа умрёт? — спросила Алиса.

Я обернулась.

Она стояла у телеги, бледная, с огромными глазами.

— Нет, — сказала я сразу. Слишком резко. — Нет, слышишь? Не умрёт.

Дмитрий закрыл глаза.

— Марин, если...

— Замолчи.

— Если что-то случится...

— Я сказала, замолчи.

— Позаботься об Алисе.

Меня затрясло.

— Ах вот как? Очень удобно. Сначала рушишь семью, потом героически умираешь, а мне опять всё разгребать?

Он открыл глаза.

В них мелькнуло что-то больное.

— Я не собираюсь умирать.

— Вот и не смей.

Слова вырвались сами.

Слишком живые.

Слишком настоящие.

Мы оба это услышали.

И оба промолчали.

Потом с дороги донёсся топот копыт.

Я замерла.

Не опять.

Из тумана показались всадники. Человек десять. В тёмных плащах, с гербом на груди: чёрный дракон, свернувшийся кольцом вокруг серебряной башни.

Первый всадник осадил коня так резко, что тот встал на дыбы.

— Милорд!

Он спрыгнул на землю и бросился к Дмитрию. Следом ещё двое. Один поднял меч, осматривая лес. Другой посмотрел на меня — и тут же опустил голову.

— Леди Эвелин...

Эвелин.

Значит, так звали женщину, в чьём теле я теперь жила.

Леди Эвелин.

Жена Каэля Рейнара.

Жена моего бывшего мужа в новом мире.

Очень смешно, судьба.

Просто до слёз.

— На нас напали, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ему нужна помощь.

Всадник посмотрел на меня странно. Словно не ожидал, что я способна говорить спокойно. Или вообще думать о ком-то, кроме себя.

— Конечно, миледи.

Он повернулся к людям:

— Осторожно! Болт не трогать, пока не доберёмся до замка. Где лекарь?

— В Рейнаре, капитан.

Капитан выругался вполголоса.

Дмитрий попытался подняться.

— Что происходит? Где мы?

Капитан застыл.

Медленно повернулся к нему.

— Милорд?

Я поняла раньше, чем Дмитрий.

Нельзя.

Нельзя показывать, что мы ничего не знаем. Не здесь. Не среди вооружённых людей. Не в мире, где за слабость сразу хватают за горло.

Я быстро сказала:

— Он ударился головой. После нападения путается.

Капитан перевёл взгляд на меня.

Внимательный.

Слишком внимательный.

— Понимаю, миледи.

Не поверил.

Или поверил не до конца.

Алиса тихонько всхлипнула за моей спиной.

Все головы повернулись к ней.

Вот тут стало по-настоящему страшно.

Капитан смотрел на мою дочь так, будто увидел призрака.

— Это... — он сглотнул. — Это ребёнок?

Я встала перед Алисой.

— Моя дочь.

— Ваша?

— Да.

Он побледнел ещё сильнее.

Один из всадников перекрестился странным знаком — двумя пальцами по груди и горлу.

— У леди Эвелин не было детей, — прошептал кто-то.

Тишина стала густой.

Дмитрий поднялся, несмотря на рану.

— Теперь есть.

Голос у него был слабый, но твёрдый.

Я не посмотрела на него.

Не хотела.

Потому что в этот момент он снова закрыл нас.

Уже не телом.

Словом.

Капитан медленно опустил на одно колено.

За ним — остальные.

Прямо в грязь.

Перед Алисой.

Моя дочь испуганно спряталась за меня.

— Что они делают? — прошептала она.

Я не знала.

Капитан поднял голову. В его глазах было не просто удивление.

Благоговение.

И ужас.

— Кровь Рейнаров вернулась, — сказал он глухо. — Драконья наследница.

У меня пересохло во рту.

— Что?

В небе снова вспыхнуло золото.

Далеко. Но уже не так далеко, как раньше.

Капитан резко поднялся.

— Нужно ехать. Немедленно. Если серые плащи узнают, что ребёнок здесь, они придут за ней до рассвета.

— Кто такие серые плащи? — спросила я.

Он посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден.

— Охотники церкви, миледи. Те, кто сжигает драконью кровь.

Алиса прижалась ко мне всем телом.

Дмитрий побледнел ещё сильнее, хотя я думала, что это

уже невозможно.

— Они не тронут её, — сказал он.

Капитан не ответил сразу.

А потом тихо произнёс:

— Тогда молитесь, милорд, чтобы замок Рейнар ещё стоял.

Я повернула голову туда, куда смотрели всадники.

За лесом, далеко-далеко, на холме, в сером мареве дождя и дыма, темнели башни.

Разбитые.

Острые.

Похожие на обломанные зубы.

Над одной из них поднимался чёрный дым.

Мой новый дом.

Моя новая тюрьма.

Единственное место, где мы могли пережить эту ночь.

Я посмотрела на Алису. Потом на раненого Дмитрия. Потом снова на башни.

И поняла одну простую вещь.

Развод, обида, измена, боль — всё это никуда не исчезло.

Оно было во мне.

Живое.

Горькое.

Но теперь поверх этого легла новая правда.

Если я хочу спасти дочь, мне придётся войти в этот замок.

Рядом с мужчиной, которого я поклялась вычеркнуть из

своей жизни.

Капитан подвёл ко мне коня.

— Миледи, прошу. Нужно торопиться.

Я подняла Алису на руки. Дочка обвила меня за шею и прошептала:

— Мам, я боюсь.

Я поцеловала её в мокрый висок.

— Я тоже, солнышко.

— А папа с нами?

Я посмотрела на Дмитрия.

Он стоял бледный, с болтом в плече, среди чужих людей, в чужой жизни, в мире, где нас уже хотели убить.

И всё равно смотрел только на нас.

Я отвернулась первой.

— Пока да, — сказала я тихо.

И это “пока” прозвучало страшнее любого драконьего рёва.

Глава 3. Замок, в котором умирают

До замка мы добирались почти час.

Хотя мне казалось — целую жизнь.

Лошадь подо мной шла неровно, тяжело ступая по размытой дождём дороге. Я сидела боком, как умела, в мокром чужом платье, прижимая к себе Алису. Дочка уже не плакала. И это пугало сильнее слёз.

Она просто молчала.

Держалась за мою шею одной рукой, второй прижимала к груди грязного зайца. Её ресницы слиплись от дождя, щёки были бледные, губы дрожали. Иногда она вздрагивала от далёкого грома или от крика птиц в лесу, но не спрашивала больше ни про дом, ни про бабушку, ни про то, когда всё закончится.

А я не знала, что хуже: детские вопросы, на которые нет ответа, или детское молчание, в котором уже поселился страх.

Дмитрия везли впереди.

Нет.

Не Дмитрия.

Каэля Рейнара.

Милорда.

Моего мужа.

Я до сих пор не могла соединить это в голове. Чужое имя,

чужое лицо, чужой мир — и его глаза. Глаза мужчины, которого я собиралась вычеркнуть из своей жизни навсегда.

Он держался в седле плохо. Плечо с болтом перевязали кое-как, прямо поверх ткани, чтобы остановить кровь. Капитан, которого звали Орвин, всё время ехал рядом и поглядывал на него так, будто боялся, что тот рухнет.

Я тоже поглядывала.

И каждый раз злилась на себя.

Потому что не должна была.

Потому что это уже не моя забота.

Потому что женщина, которую предали, имеет право от-
вернуться.

Но стоило его телу качнуться в седле, как у меня внутри всё сжималось.

Ненавидела.

Его.

Себя.

Эту проклятую связь, которая не рвалась даже после из-
мены, даже после чужих духов, чужих сообщений, чужих губ
на его коже.

— Мам, — прошептала Алиса почти неслышно.

— Что, солнышко?

— Папе больно?

Я закрыла глаза.

Только на секунду.

— Да.

— Он умрёт?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстрым. Слишком резким. Так отвечают не потому, что знают, а потому что иначе нельзя.

Алиса повернула голову и посмотрела на него.

— А ты его больше не любишь?

Я едва не выпустила повод.

Вот так.

Просто.

Без подготовки.

В самое сердце.

Я хотела сказать: “Это сложно”. Хотела сказать: “Взрослые иногда ошибаются”. Хотела сказать хоть что-нибудь правильное, бережное, материнское.

Но в горле стоял ком.

Алисе было четыре. Она не понимала измены, развода, боли, унижения. Она понимала только одно: если мама и папа больше не держатся за руки, значит, мир стал опасным.

— Я люблю тебя, — сказала я наконец.

Дочка нахмурилась.

— А папу?

Впереди Дмитрий будто почувствовал этот вопрос. Он не обернулся, но плечи у него напряглись.

Я посмотрела на его спину.

На чёрные волосы, мокрые от дождя. На чужой плащ. На кровь, проступающую сквозь повязку.

— Папа сделал мне очень больно, — сказала я тихо. — Иногда любовь не успевает умереть сразу. Но это не значит, что боль исчезает.

Алиса молчала, обдумывая по-своему.

Потом спросила:

— А в этом мире он будет хороший?

Я не ответила.

Потому что впереди из тумана вырос замок.

И все слова умерли.

Он стоял на холме, окружённый чёрными соснами и каменной стеной, которая местами осыпалась так, будто её грызли гигантские звери. Башни были неровные, тёмные, с провалами вместо окон. Над одной поднимался дым — не уютный печной, а грязный, тревожный, будто там что-то недавно горело.

Замок не был похож на сказку.

Он был похож на место, где люди умирают долго.

У ворот стояли стражники. Худые, усталые, в ржавых нагрудниках. Когда мы подъехали, они распахнули створки, и одна из них заскрипела так жалобно, словно сама просила не входить.

Во дворе было полно людей.

Слуги. Солдаты. Какие-то женщины с корзинами. Двое мальчишек тащили ведро воды. Старик сидел у стены, прижимая к груди перевязанную руку. Все замерли, когда увидели нас.

Сначала смотрели на Дмитрия.

Потом на меня.

Потом на Алису.

И во дворе стало так тихо, что я слышала, как где-то капает вода с крыши.

— Леди Эвелин... — прошептала какая-то женщина.

В её голосе было не радость.

Страх.

Я почувствовала, как Алиса сильнее вжалась в меня.

Капитан Орвин спрыгнул с коня.

— Лекаря сюда! Живо! Милорд ранен!

Люди задвигались. Дмитрия помогли снять с седла. Он попытался отмахнуться, но ноги у него подкосились, и двое солдат едва успели подхватить его.

— Папа! — крикнула Алиса.

Он поднял голову. Нашёл её взглядом.

— Всё нормально, мышка.

У меня внутри что-то болезненно дрогнуло.

Мышка.

Он всегда так её называл.

Даже в чужом теле.

Даже в чужом мире.

Алиса потянулась к нему, но я удержала её.

Не потому, что хотела наказать его.

Нет.

Потому что кровь. Болт. Чужие люди. Чужой двор. Чужие

правила.

И потому что я всё ещё не знала, кому здесь можно доверять.

К нам подошла женщина лет сорока. Сухая, строгая, с серыми волосами, убранными под платок. Она низко склонила голову.

— Миледи. Вы живы.

Опять не радость.

Скорее удивление.

Будто я нарушила чьи-то планы.

— Как вас зовут? — спросила я.

Женщина подняла глаза.

И в этом взгляде мелькнуло что-то острое.

— Инесса, миледи. Я ведаю хозяйством замка. Уже двенадцать лет.

Хорошо. Хозяйка. Значит, через неё можно понять, где мы оказались.

— Моей дочери нужна сухая одежда. Еда. Тёплая комната.

Инесса посмотрела на Алису.

Слишком долго.

— Дочери, — повторила она.

Не вопрос.

Но и не утверждение.

Я шагнула ближе.

— Да. Моей дочери.

Она снова склонила голову.

— Как прикажете, миледи.

В её голосе не было покорности. Только осторожность.

В этот момент из дверей замка выбежал худой мужчина с кожаной сумкой. Видимо, лекарь. Он увидел Дмитрия, болт в плече и побледнел.

— В малую залу! Быстрее! Нельзя вытаскивать здесь!

Дмитрия повели внутрь.

Он обернулся ко мне.

— Марина...

Я сжала губы.

Вот дурак.

Здесь меня звали Эвелин.

Капитан Орвин слышал. Инесса слышала. Несколько слуг тоже.

Я быстро сказала:

— Он бредит. Из-за крови.

Орвин промолчал, но взгляд его стал тяжелее.

Дмитрий понял ошибку. Поздно.

Его увели.

А я осталась во дворе одна, с ребёнком на руках, среди людей, которые смотрели на меня как на ожившую мёртвую.

— Миледи, — тихо сказала Инесса. — Прошу за мной.

Мы вошли в замок.

Внутри было ещё холоднее, чем снаружи.

Каменные стены. Узкие окна. Запах сырости, дыма, ста-

рой золы и кислой капусты. Полы неровные, факелы чадят, в углах темнота. Не дворец. Не дом. Крепость, из которой давно ушла жизнь, но почему-то не ушли люди.

Алиса шепнула мне в ухо:

— Мам, тут страшно.

— Знаю.

— Мы здесь будем жить?

Я посмотрела на тёмный коридор впереди.

— Пока да.

Слово “пока” стало нашим спасательным кругом.

Пока здесь.

Пока вместе.

Пока живы.

Инесса привела нас в комнату с большим камином. Там было холодно, но хотя бы сухо. На стенах висели потемневшие гобелены, кровать казалась слишком высокой, слишком чужой, слишком роскошной для этого мёртвого места.

— Это ваши покои, миледи.

Мои.

Эвелин.

Женщины, которую я не знала.

Я опустила Алису на пол. Та сразу прижала зайца к себе и встала рядом, не отходя ни на шаг.

— Нужна одежда для ребёнка, — сказала я. — И горячая

вода.

Инесса помедлила.

— Детской одежды в замке нет.

— Тогда любую маленькую рубашку. Одеяло. Что угодно.

— Да, миледи.

Она повернулась к двери, но я остановила её:

— И еду.

Инесса застыла.

— Еда будет вечером.

Я посмотрела на неё.

— Ребёнку четыре года. Она испугана, промокла и голодна. Еда нужна сейчас.

Женщина медленно повернулась.

— Миледи, в замке строгий порядок выдачи припасов.

— Мне всё равно.

Вот теперь в её глазах мелькнуло что-то почти живое.

— Раньше вам было всё равно иначе.

Тишина.

Я поняла: настоящую Эвелин здесь не любили.

И, кажется, было за что.

— Значит, теперь будет по-другому, — сказала я.

Инесса долго смотрела на меня.

Потом кивнула.

— Я распоряжусь.

Она ушла.

Я сняла с Алисы мокрую куртку. Руки дрожали. Когда

ткань прилипла к рукавам, дочка тихо заскулила.

— Потерпи, солнышко.

— Я хочу домой.

Я замерла.

Потом опустилась перед ней на колени.

— Я тоже.

— А почему мы не можем?

Потому что я не знаю где дом.

Потому что твой отец в чужом теле.

Потому что я в чужом теле.

Потому что за тобой могут прийти люди, которые сжигают детей с драконьей кровью.

Потому что мир сошёл с ума.

— Потому что пока не нашли дорогу, — сказала я.

Алиса посмотрела на меня мокрыми глазами.

— Ты найдёшь?

Я прижала её к себе.

— Найду.

И впервые за этот день солгала ей так, как взрослые лгут детям, когда правда слишком страшная.

Через несколько минут принесли воду, грубую рубашку, одеяло и миску жидкой похлёбки. Алиса ела медленно, с

ложкой в обеих руках. Я сидела рядом и гладила её по волосам, пока сама умирала от голода, но проглотить не могла ни крошки.

За дверью слышались шаги.

В комнату вошёл капитан Орвин.

— Миледи.

Я поднялась.

— Что с ним?

Не “с мужем”.

Не “с Дмитрием”.

Не “с Каэлем”.

Просто — с ним.

Орвин понял.

— Лекарь вытаскивает болт. Рана опасная, но не смертельная, если не начнётся горячка.

Если.

Какое маленькое слово.

И как много в нём смерти.

— Я хочу его видеть.

Сказала — и сама испугалась.

Орвин тоже удивился, но поклонился.

— Конечно.

Я повернулась к Алисе:

— Ты побудешь здесь. Инесса рядом. Я скоро.

— Я с тобой.

— Нет, солнышко. Там кровь.

Губы у неё задрожали.

— Я не хочу одна.

Я хотела сказать, что она не одна. Но это было бы ложью. В этом мире она была одна со мной. И, как бы я ни злилась, с ним.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда пойдём вместе. Но закроешь глаза, если я скажу.

Мы пошли за Орвином.

Малая зала оказалась длинной комнатой с большим столом, на котором сейчас лежал Дмитрий. Без плаща, с разрезанной рубахой, бледный до синевы. Лекарь держал окровавленный болт щипцами, а рядом стояла миска, уже красная от крови.

Алиса ахнула и спряталась за меня.

Дмитрий открыл глаза.

— Не надо было её вести.

Голос слабый.

Но раздражать он всё ещё умел.

— Она боялась одна.

— Марин...

Я резко посмотрела на него.

Он осёкся.

— Эвелин, — поправился он хрипло.

Лекарь замер на секунду.

Я подошла ближе.

— Жить будешь?

— Тебя это волнует?

Я наклонилась к нему так, чтобы слышал только он.

— Меня волнует, что наша дочь уже пережила достаточно. Так что сделай одолжение — не умирай у неё на глазах.

Он закрыл глаза.

— Постараюсь.

— Постарайся лучше.

Лекарь начал перевязку. Дмитрий стиснул зубы, но не закричал. Только пальцы впились в край стола.

А я вдруг вспомнила роддом.

Как он держал мою руку. Как говорил: “Дыши, Марин, я с тобой”. Как плакал, когда родилась Алиса.

Где тот мужчина?

Когда он исчез?

И почему мне всё ещё больно смотреть, как он страдает?

Двери залы резко открылись.

Вошла женщина.

Высокая. Красивая. В тёмно-зелёном платье, слишком дорогом для этого замка. Рыжие волосы убраны в сложную косу. Губы алые. Взгляд уверенный, хозяйский.

Она даже не посмотрела на меня.

Сразу к нему.

— Каэль!

И в этом одном слове было слишком много.

Слишком много права.

Слишком много близости.

Слишком много прошлого.

Женщина бросилась к столу, но Орвин преградил ей путь.

— Леди Мирра, милорду нужна тишина.

Мирра.

Имя ударило меня почти физически.

Она повернулась ко мне.

И улыбнулась.

Красиво.

Холодно.

Так улыбаются женщины, которые уже однажды победили.

— Эвелин, — сказала она. — Какое чудо. Вы всё-таки выжили.

Я молчала.

А она медленно опустила взгляд на Алису.

Улыбка исчезла.

— А это ещё кто?

Алиса прижалась к моей юбке.

Я положила руку ей на плечо.

— Моя дочь.

Мирра моргнула.

Потом рассмеялась.

Тихо, недоверчиво.

— Ваша?

Дмитрий попытался приподняться.

— Не смей.

Лекарь тут же прижал его обратно.

Мирра посмотрела на него. И в её глазах мелькнула такая боль, что я поняла: это не просто слухи.

Эта женщина любила Каэля.

Или думала, что любила.

И он, тот настоящий Каэль, давал ей повод.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

В моём мире у мужа была любовница.

В этом — у его тела тоже.

Судьба решила не мелочиться.

Мирра снова посмотрела на меня.

— Странно. Насколько я помню, лорд Рейнар не делил с вами спальню уже больше года.

В зале стало мёртво тихо.

Даже лекарь перестал шуршать бинтами.

Я почувствовала, как Дмитрий напрягся.

А у меня внутри поднялось что-то холодное.

Не истерика.

Не слёзы.

Нет.

Что-то гораздо опаснее.

Я улыбнулась.

Так же красиво.

Так же холодно.

— Леди Мирра, насколько я понимаю, вы слишком хоро-

шо осведомлены о чужих спальнях.

Её лицо изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Но я увидела.

И продолжила:

— Однако сейчас в этой зале мой раненый муж, моя испуганная дочь и люди, которым нужна уверенность, что их господа не развалятся окончательно. Поэтому свои воспоминания о том, кто с кем делил постель, оставьте для вечера. Если, конечно, вас к нему пригласят.

Орвин кашлянул.

Кто-то из солдат отвернулся.

Мирра побледнела от злости.

Дмитрий смотрел на меня так, будто видел впервые.

А я чувствовала, как дрожат колени под платьем.

Но стояла ровно.

Потому что если этот мир решил снова сделать меня женой мужчины с другой женщиной за спиной, то он ошибся.

В прежней жизни я молчала слишком долго.

В этой — больше не собиралась.

Мирра склонила голову.

— Как прикажете, миледи.

В её голосе был яд.

Она развернулась и вышла.

Двери закрылись.

И только тогда Алиса тихо спросила:

— Мам, эта тётя плохая?

Я провела ладонью по её волосам.

— Пока не знаю.

Дмитрий хрипло сказал:

— Марина...

Я посмотрела на него.

— Не сейчас.

— Я не знаю её.

— Ты и ту, наверное, сначала плохо знал.

Он вздрогнул.

Больнее, чем от раны.

Хорошо.

Нет.

Плохо.

Я больше не понимала, чего хочу.

Чтобы он страдал?

Чтобы выжил?

Чтобы исчез?

Чтобы снова стал тем, кого я любила?

Орвин подошёл к окну. Вгляделся во двор.

— Миледи, милорд, вам нужно знать ещё кое-что.

Я повернулась.

— Что?

Капитан медленно достал из-за пазухи смятый пергамент.

— Это нашли у одного из напавших на дороге. Приказ.

Он протянул его мне.

Я развернула лист, хотя буквы были чужие. Но смысл снова вспыхнул в голове сам.

Лорда Каэля Рейнара убить.

Леди Эвелин Рейнар убить.

Ребёнка, если будет найден, доставить живым.

Я перечитала последнюю строку.

Пальцы похолодели.

— Если будет найден, — прошептала я.

Орвин кивнул.

— Они знали о ребёнке раньше нас.

В зале стало так тихо, что я услышала, как Алиса дышит рядом.

Дмитрий медленно повернул голову к дочери.

А я сжала пергамент в кулаке.

Где-то далеко, под каменными стенами замка, снова раздался тот самый низкий звук.

Не рёв.

Скорее зов.

И Алиса вдруг подняла голову.

— Мам...

Я опустилась к ней.

— Что?

Она смотрела в сторону тёмного коридора за дверью.

Туда, где в глубине замка начинались подвалы.

— Там кто-то плачет.

Я почувствовала, как холод проходит по спине.

— Где?

Алиса крепче прижала зайца.

— Внизу.

Дмитрий попытался сесть, но застонал.

Орвин побледнел.

— Внизу ничего нет, маленькая леди.

Алиса покачала головой.

— Есть.

Она посмотрела на меня огромными испуганными глазами.

— Там маленький огонёк. Он зовёт меня.

И в этот миг под нашими ногами дрогнул каменный пол.

Где-то глубоко под замком что-то ответило ей.

Живое.

Тёплое.

Древнее.

Глава 4. Яйцо под руинами

Каменный пол дрогнул ещё раз.

Не сильно.

Так, будто где-то глубоко под замком кто-то повернулся во сне.

Алиса вцепилась в мою юбку обеими руками. Глаза у неё были огромные, тёмные от страха и чего-то ещё. Внимания. Будто она слышала музыку, которую остальные не могли услышать.

— Мам, он плачет, — прошептала она.

Я опустилась перед ней на колени, забыв про всех: про лекаря, капитана, слуг за дверью, Мирру с её ядовитой улыбкой, Дмитрия на столе с перевязанным плечом.

— Кто, солнышко?

Алиса посмотрела на пол.

— Огонёк.

У меня похолодели пальцы.

Огонёк.

Внизу.

Зовёт её.

Нет. Нет-нет-нет.

Мне хотелось закрыть ей уши ладонями. Схватить на руки. Запереться в комнате. Сказать всем, что ребёнок устал, напуган, что ей показалось. Что никакого огонька нет, ника-

кого зова нет, никакого древнего ужаса под замком тоже нет.

Но под нашими ногами снова прошла дрожь.

И где-то далеко, очень далеко, будто через толщу камня, раздался тихий звук.

Не рёв.

Не стон.

Писк.

Слабый. Надломленный. Живой.

Алиса всхлипнула.

— Мам, ему больно.

Дмитрий резко попытался подняться.

— Мы идём туда.

Лекарь всполошился:

— Милорд, вам нельзя!

— Я сказал, мы идём.

Он сел, побледнел почти до серого и тут же схватился за край стола. На повязке проступило свежее красное пятно.

— Прекрати, — сказала я жёстко.

Он посмотрел на меня.

— Если это связано с Алисой...

— Именно поэтому ты останешься здесь и не будешь истекать кровью в подвале.

— Марина.

— Эвелин, — резко напомнила я.

В зале стало тихо.

Он сжал зубы. Понял. Слишком поздно, как обычно, но

понял.

— Хорошо, — выдохнул он. — Эвелин. Я не отпущу вас одних.

— Ты не в том положении, чтобы что-то разрешать или запрещать.

В его взгляде вспыхнула злость. Старая, знакомая. Та самая, от которой раньше я замолкала, потому что не хотела скандала при ребёнке, не хотела портить вечер, не хотела быть “истеричкой”.

Но прежняя Марина осталась где-то там.

На мокрой дороге.

Рядом с букетом белых роз.

Я выпрямилась.

— Я пойду с Орвином. Алиса останется здесь.

— Нет! — вскрикнула дочь.

Она так резко вцепилась в меня, что я почувствовала её ногти через ткань платья.

— Алиса...

— Нет, мамочка! Он зовёт меня! Он плачет! Он один!

Сердце болезненно сжалось.

Ей четыре.

Она не должна была беспокоиться о ком-то в тёмном подземелье. Она должна была плакать из-за потерянной игрушки, отказываться от каши и спорить, какой мультик смотреть перед сном.

Но она стояла в чужом замке, под взглядами чужих людей,

и слышала зов того, что могло погубить нас всех.

Орвин побледнел.

— Миледи, если маленькая леди слышит зов... это может быть...

Он не договорил.

— Что? — спросила я.

Капитан отвёл взгляд.

— Драконья кровь.

Слова повисли между нами, как приговор.

Драконья кровь.

Не сказка. Не красивая легенда. Здесь это звучало как болезнь, за которую убивают.

Я вспомнила приказ на пергаменте.

Ребёнка доставить живым.

Живым — не значит невредимым.

Живым — значит нужным.

— Никто не узнает, — сказала я тихо.

Орвин поднял на меня глаза.

— Уже знают слишком многие.

Я медленно повернулась к людям в зале.

Лекарь. Двое солдат. Слуга у двери. Орвин. Дмитрий. Алиса.

Каждое лицо — опасность.

Каждый взгляд — возможная смерть моей дочери.

Наверное, настоящая леди Эвелин закричала бы. Приказала бы. Упала бы в обморок. Сделала бы что-нибудь при-

вычное для женщины, которую здесь, кажется, считали пустой и бесполезной.

Я же вдруг стала очень спокойной.

— Все, кто сейчас находится в этой зале, слышали усталого ребёнка после нападения и дороги, — произнесла я. — Она испугалась. Ей показалось. Если хоть одно слово уйдёт за эти стены, я узнаю.

Слуга у двери сглотнул.

Я посмотрела прямо на него.

— И тогда милость леди Эвелин закончится.

Не знаю, что было в моём голосе.

Но он побледнел и опустил голову.

Орвин чуть заметно кивнул.

— Как скажете, миледи.

Дмитрий смотрел на меня странно.

Не с раздражением.

Не с привычным “Марина опять всё драматизирует”.

А так, будто видел женщину, которую раньше не замечал.

Поздно, Дима.

Очень поздно.

— Веди, — сказала я Орвину.

— Я с вами, — хрипло сказал Дмитрий.

— Нет.

— Да.

Он спустил ноги со стола. Лекарь выругался почти молитвенно. Дмитрий покачнулся, но удержался. Лицо покрылось

испаринной, пальцы дрожали, но упрямства в нём было больше, чем крови.

— Я не оставлю вас.

Я хотела сказать что-то злое.

Что он уже оставил.

Что оставлял каждый вечер, когда писал другой.

Что оставил меня задолго до того, как я собрала чемодан.

Но Алиса смотрела на него.

И в её глазах была надежда.

Такая маленькая, такая страшная, что я не смогла её растоптать.

— Один раз упадёшь — тебя потащат обратно, — сказала я.

Он кивнул.

— Согласен.

— И не геройствуй.

На губах у него мелькнула слабая тень улыбки.

— Попробую.

— Это не шутка.

— Знаю.

Мы вышли из малой залы почти сразу.

Орвин взял факел. Второй дал мне, но Дмитрий перехватил его здоровой рукой. Я хотела возразить, но промолчала. В другой руке у меня была Алиса. Вернее, Алиса держалась за меня так крепко, будто я была единственной стеной между ней и всем этим миром.

Коридоры замка Рейнаров становились всё уже и темнее.

Наверху ещё слышались голоса, шаги, звон посуды, стук дождя по ставням. Но чем ниже мы спускались, тем тише становилось. Каменные ступени уходили под землю спиралью. Стены покрывал мох. В воздухе пахло сыростью, железом и старым пеплом.

— Здесь давно никто не ходит? — спросила я.

Орвин помедлил.

— После пожара нижние уровни закрыли.

— Какого пожара?

Капитан посмотрел на Дмитрия.

На Каэля.

И только потом ответил:

— Того, в котором погиб последний дракон Рейнаров.

Алиса тихо ахнула.

— Драконы тоже умирают?

— Всё умирает, маленькая леди, — сказал Орвин. Потом, будто опомнившись, добавил: — Но не всё навсегда.

Мне не понравилось, как он это сказал.

Мы спустились ещё ниже.

Дмитрий шёл рядом, всё тяжелее дыша. Я видела, как он старается не показывать боль. В нашем мире он так же делал вид, что всё контролирует. Только там его самоуверенность меня бесила.

Здесь она могла убить.

— Сядь на минуту, — сказала я.

— Я в порядке.

— Ты оставляешь кровь на ступенях.

Он посмотрел вниз.

И правда. Несколько тёмных капель блестели на камне.

Алиса испуганно всхлипнула.

— Папа...

Дмитрий тут же опустился на одно колено, будто не из-за боли, а специально к ней.

— Мышка, я крепкий.

— Ты обещаешь?

Он замолчал.

Раньше он обещал легко. Слишком легко.

“Конечно, приеду вовремя”.

“Конечно, я с тобой”.

“Конечно, больше никаких секретов”.

Теперь он смотрел на дочь и не спешил.

— Я обещаю стараться, — сказал он наконец.

Алиса нахмурилась.

— Это не обещание.

— Самое честное, которое я могу дать.

Я отвернулась.

Потому что это было почти правильно.

И от этого становилось ещё больнее.

Внизу коридор закончился тяжёлой дверью, обитой по-

черневшим железом. На ней был вырезан знак: дракон, свернувшийся вокруг башни. Такой же, как на гербе стражи, только древнее. Грубее. Сильнее.

Орвин остановился.

— Дальше должен быть старый зал клятв.

— Должен быть?

— Его завалило после пожара.

Алиса вдруг отпустила мою руку и шагнула к двери.

— Он там.

— Алиса, стой!

Но она уже положила ладошку на чёрный знак.

Камень под ногами вздрогнул.

Дверь, которую явно не открывали много лет, тихо щёлкнула.

И сама ушла внутрь.

За ней была темнота.

Живая.

Тёплая.

Факелы вспыхнули выше, будто кто-то вдохнул на огонь.

Орвин прошептал слово, похожее на молитву.

Мы вошли.

Зал оказался огромным.

Не подвал — подземный храм. Круглый, с высоким сводом, уходящим в темноту. По стенам тянулись обугленные фрески: люди в доспехах, женщины с младенцами на руках, драконы над башнями, пламя, похожее не на разрушение, а

на защиту.

Посреди зала стоял каменный пьедестал.

А на нём лежало яйцо.

Большое. Почти с Алису ростом, если поставить его вертикально. Чёрное, с золотыми прожилками, будто внутри камня текла лава. Оно было покрыто трещинами. Из одной сочился слабый свет.

Алиса сделала шаг.

Я схватила её за плечо.

— Нет.

— Мам, он боится.

— Это не котёнок.

— Он маленький.

— Алиса...

Она повернулась ко мне.

В её глазах стояли слёзы.

— Мам, когда я боялась, ты же меня обнимала.

И этим убила все мои возражения.

Дмитрий тихо выдохнул рядом.

— Марин...

Я резко посмотрела на него.

— Только не говори мне, что делать.

— Я хотел сказать — осторожно.

Я подхватила Алису на руки и сама подошла ближе. Каждый шаг давался с трудом. Не физически — страшно было так, что ноги становились ватными.

Яйцо светилось сильнее.

Тихо.

Ритмично.

Как сердце.

Алиса вытянула руку.

— Можно?

Нет.

Нельзя.

Конечно нельзя.

Ничего в этом мире нельзя трогать. Особенно древние магические яйца в подземельях разрушенных замков.

Но за нашими спинами вдруг раздался звук.

Камень скрежетнул о камень.

Орвин резко обернулся.

— Назад!

Из бокового прохода вышла фигура.

Человек в сером плаще.

Лицо скрыто капюшоном. В руках — короткий арбалет.

Серый плащ.

Охотник церкви.

Он уже был здесь.

Значит, кто-то знал. Кто-то провёл его в замок. Или он ждал под землёй с самого начала.

Арбалет поднялся.

Не на меня.

На Алису.

Всё произошло одновременно.

Дмитрий бросился вперёд, хотя едва стоял. Орвин выхватил меч. Я закрыла дочь собой.

И Алиса коснулась яйца.

Свет взорвался.

Не огнём.

Золотом.

Он ударил в стены, в потолок, в наши лица. Факелы погасли, но зал стал светлым, как полдень. По фрескам пробежало пламя, оживляя крылья нарисованных драконов.

Охотник закричал.

Арбалет выпал из его рук.

Я упала на колени, прижимая Алису к груди.

Дмитрий оказался рядом. Снова между нами и опасностью. Снова с кровью на повязке. Снова упрямый, невозможный, живой.

Яйцо треснуло.

Сначала тихо.

Потом громче.

По чёрной скорлупе побежали золотые линии. Изнутри кто-то толкнулся. Ещё раз. Ещё.

Алиса перестала плакать.

Она смотрела на яйцо так, будто узнала старого друга.

— Мам, — прошептала она. — Он вылупляется.

Скорлупа разлетелась.

На каменном пьедестале, среди осколков и золотого света,

лежало маленькое существо.

Размером с крупного котёнка.

Мокрое. Дрожащие крылья прилипли к тонкой спине. Чешуя была тёмной, почти чёрной, но под ней мерцало золото. Морда смешная, нос тупой, глаза закрыты.

Драконёнок.

Настоящий.

Он пискнул.

Так жалобно, что у меня сжалось сердце.

Алиса тихо выдохнула:

— Искрик.

Драконёнок открыл глаза.

Золотые.

И посмотрел прямо на неё.

В этот миг над замком что-то грохнуло. Так сильно, что сверху посыпалась пыль. Где-то далеко закричали люди. Потом ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Орвин побледнел до мертвенной белизны.

— Знак на башне, — прошептал он. — Он вспыхнул.

— Что это значит? — спросила я, хотя уже не хотела знать ответ.

Капитан медленно опустился на колено.

Перед моей дочерью.

Перед маленьким драконом.

Перед катастрофой, которая только что родилась у нас на руках.

— Это значит, миледи, — сказал он глухо, — что весь Эйранн сейчас узнает.

Дмитрий тяжело дышал рядом. Алиса протянула ладонь, и драконёнок неловко ткнулся в неё носом.

А я смотрела на этого крошечного, дрожащего Искрика и понимала только одно.

Теперь за моей дочерью придут не утром.

Теперь за ней придут этой ночью.

Глава 5. Знак на башне

Колокол бил так, будто хотел расколоть замок пополам.

Раз.

Другой.

Третий.

Каждый удар проходил через камень, через грудь, через кости. Алиса вздрагивала у меня на руках, но не отпускала маленького драконёнка. Искрик сидел у неё на коленях, мокрый, дрожащий, нелепый, совершенно невозможный — и тянул тонкую мордочку к её пальцам.

Он был живой.

Тёплый.

Настоящий.

И из-за него весь наш мир окончательно рухнул.

— Нужно уходить, — сказал Орвин.

Он всё ещё стоял на колене, но голос у него стал резким, военным. Не благоговейным. Испуганным.

— Сейчас же.

Дмитрий, бледный от потери крови, повернулся к серому плащу, который лежал у стены и хрипло втягивал воздух. Охотник церкви был жив, но оглушён. Его капюшон сполз, открыв худое лицо с выжженным знаком на щеке.

Знак был похож на пламя, перечёркнутое мечом.

— Он был здесь до нас, — хрипло сказал Дмитрий.

— Да, милорд, — ответил Орвин.

— Значит, кто-то впустил его в замок.

Капитан молчал.

И это молчание было хуже ответа.

Я крепче прижала Алису к себе.

— Кто знал про этот зал?

Орвин посмотрел на меня.

— Старые слуги. Несколько стражников. Лекарь. Я. Леди

Мирра.

Вот оно.

Имя упало между нами, как нож.

Дмитрий резко вскинул голову.

— Мирра?

Я усмехнулась, хотя губы дрожали.

— Удивлён?

Он посмотрел на меня почти с болью.

— Я не знаю эту женщину.

— Каэль знал.

— Я не Каэль.

— А для них — Каэль.

В его глазах мелькнуло бессилие. Злость. Вина. Всё сразу.

Сверху снова ударил колокол.

А потом слышались крики.

Далёкие, но быстро приближающиеся.

— Капитан! — донеслось из коридора. — На башне огонь! Люди во дворе! Все видели!

Орвин выругался и повернулся к одному из солдат:

— Связать охотника. Рот заткнуть. Живым. Мне нужны ответы.

— Да, капитан!

— Второй — наверх. Закрыть ворота. Никого не выпускать из замка без моего приказа.

Солдат побежал.

Я посмотрела на Орвина.

— Поздно. Если знак виден снаружи, о нём уже узнают.

— Не сразу, миледи. Ночь, дождь, лес. У нас есть несколько часов. Может быть, меньше.

Несколько часов.

На что?

Спрятать дракона?

Спрятать ребёнка?

Спрятать чудо, которое только что вспыхнуло над башней?

Искрик вдруг чихнул.

Из его носа вылетела крошечная искра и погасла на камне.

Алиса ахнула.

— Мам, он простудился?

Я едва не рассмеялась.

От ужаса.

От абсурда.

От того, что моя дочь сидела в подземелье чужого замка с новорождённым драконом на коленях и переживала, не простудился ли он.

— Не знаю, солнышко, — прошептала я. — Но мы его согреем.

Дмитрий сделал шаг к нам и покачнулся.

Я автоматически протянула руку.

Успела остановиться на полпути.

Он заметил.

Конечно заметил.

И не сказал ничего.

Только опёрся о стену здоровой рукой.

— Я могу идти.

— Ты можешь упасть, — отрезала я.

— Потом поругаемся.

— Обязательно.

Орвин коротко взглянул на нас, но промолчал.

Мы поднялись наверх той же дорогой, только теперь замок казался не мёртвым, а проснувшимся. Камни гудели. Где-то в стенах шевелился ветер. Факелы загорались сами, когда Алиса проходила мимо, и гасли за нашей спиной.

С каждым таким огоньком Орвин мрачнел всё сильнее.

— Что происходит? — спросила я.

— Кровь отвечает крови.

— Объясни нормально.

— Замок Рейнаров строили не только из камня. Он был

связан с драконами рода. Когда последний дракон погиб, замок начал умирать. Теперь он почувствовал нового.

Я посмотрела на Искрика.

Тот, завернутый в край моего плаща, сонно моргал золотыми глазами и посапывал у Алисы на руках.

Нового.

Вот это мокрое чудо с крылышками, похожими на листья, должно было оживить замок?

Нет.

Не оживить.

Погубить нас.

Когда мы вышли в главный коридор, там уже стояли люди.

Слуги, солдаты, кухарки, мальчишки-конюхи. Все смотрели на нас. На Алису. На свёрток у неё на руках.

Кто-то перекрестился тем самым странным знаком. Кто-то отступил. Одна женщина заплакала.

— Дракон...

Шёпот пополз по коридору.

— Нас сожгут...

— Церковь придёт...

— Это проклятие...

— Это спасение...

Орвин шагнул вперёд.

— Всем разойтись!

Никто не двинулся.

Тогда я поняла: приказы капитана сейчас не помогут.

Они боялись не его.

Они боялись того, что держала моя дочь.

И если этот страх сейчас разрастётся, нас разорвут свои же.

Я передала Алису Дмитрию взглядом.

Не руками.

Только взглядом.

Он понял.

Молча встал чуть сбоку, прикрывая нас собой. Раненый, серый, едва стоящий. Но всё равно — стена.

Я вышла вперёд.

— Да, — сказала я громко. — Это дракон.

Шёпот оборвался.

Орвин резко повернулся ко мне, будто хотел остановить, но было поздно.

— Его зовут Искрик, — продолжила я. — Он только что вылупился. Он слабый. Он маленький. Он никого из вас не тронул.

Кто-то из солдат хрипло сказал:

— Из-за него серые плащи придут к воротам.

— Они уже приходили, — ответила я. — Один был внизу. До того, как дракон вылупился. Значит, опасность была здесь раньше него.

Люди переглянулись.

Это сработало.

Не полностью.

Но страх на мгновение уступил место сомнению.

Я сделала ещё шаг.

— В приказе, который нашли у напавших, было сказано убить лорда Рейнара. Убить меня. А ребёнка забрать живым. Вы понимаете? Они пришли бы в любом случае. Они уже знали про Алису. Они уже хотели крови.

Инесса вышла из толпы.

Суровая, сухая, с лицом женщины, которая за жизнь видела слишком много смертей, чтобы верить красивым словам.

— А что будет теперь, миледи? Когда весь замок сияет, как костёр в ночи?

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Теперь мы закроем ворота. Спрячем детей. Проверим запасы воды. Выставим дозор. И никто не будет бегать по коридорам и орать о проклятии, потому что именно так враги узнают, где искать.

Инесса прищурилась.

— Вы говорите как хозяйка.

— А я и есть хозяйка этого замка.

Не знаю, кто удивился сильнее.

Она.

Люди.

Или я сама.

Но, произнеся это, я вдруг почувствовала странную твёрдость внутри.

В нашем мире я уходила из дома, где меня перестали уважать.

В этом мире мне достался дом, который умирал от страха. Может быть, я не знала местных законов. Не знала магии. Не знала, как управлять замком.

Но я знала одно: если вокруг паника, ребёнок погибнет первым.

А я этого не позволю.

Инесса медленно склонила голову.

— Что прикажете?

Победа была маленькой.

Но настоящей.

— Соберите женщин на кухне. Горячая вода, чистые тряпки, еда для детей. Всех детей — в дальнюю кладовую у внутренней стены. Там нет окон?

— Нет, миледи.

— Хорошо. Солдатам — проверить ворота. Орвин, мне нужен список тех, кто может держать оружие. И тех, кто сегодня был у нижних ходов.

— Будет сделано.

— Лекаря к милорду.

Дмитрий тихо усмехнулся за спиной.

— Спасибо за заботу.

Я даже не повернулась.

— Это не забота. Ты нужен живым, чтобы люди не разбежались.

— Конечно.

В его голосе была усталость.

И что-то ещё.

Тепло?

Нет.

Не надо.

Я не имею права снова слышать в его голосе тепло.

— Эвелин.

Этот голос заставил коридор снова замереть.

Мирра стояла у лестницы.

Всё такая же красивая. Волосы убраны идеально, платье сухое, лицо бледное, но спокойное. Слишком спокойное для женщины, которая только что увидела знак дракона на башне.

Она перевела взгляд на Алису.

Потом на свёрток.

И улыбнулась.

— Так слухи правдивы.

Дмитрий напрягся.

Я почувствовала это спиной.

— Какие именно? — спросила я.

Мирра медленно спустилась на одну ступеньку.

— Что вы вернулись не одна. Что у вас появился ребёнок.

Что под замком проснулась старая мерзость.

Искрик поднял голову и тихо зашипел.

Алиса обняла его крепче.

— Он не мерзость, — сказала она дрожащим голосом. — Он маленький.

Мирра посмотрела на неё с холодным любопытством.

— Дети часто жалеют чудовищ, пока те не начинают есть людей.

Я шагнула вперёд.

— Ещё одно слово в адрес моей дочери — и вы покинете этот замок до рассвета.

Она рассмеялась.

— Вы? Вы меня выгоните?

— Да.

— Какая перемена. Раньше вы плакали, когда Каэль уходил ко мне, а теперь угрожаете.

Воздух словно вымерз.

Дмитрий резко сказал:

— Довольно.

Мирра посмотрела на него.

И вот тут её лицо изменилось.

Впервые.

Не маска. Не яд. Боль.

— Ты защищаешь её?

Он молчал секунду.

Потом сказал:

— Я защищаю свою семью.

Сердце предательски ударило сильнее.

Свою семью.

Как легко он сказал это теперь.

Как поздно.

Мирра побелела.

— Семью? — повторила она. — Ты называл её ошибкой.

Я перестала дышать.

Дмитрий медленно повернул голову ко мне.

— Это говорил не я.

— Твоим ртом, — сказала я тихо.

— Марина...

— Молчать.

Мирра прищурилась.

— Марина? Как любопытно.

Проклятье.

Я сама ошиблась.

От усталости. От боли. От того, что всё внутри рвалось.

Орвин шагнул ближе к Мирре.

— Леди Мирра, вам лучше уйти.

Но она уже смотрела на меня иначе.

Слишком внимательно.

Слишком опасно.

— Кто вы? — спросила она.

Никто не успел ответить.

Снаружи раздался крик стражника:

— Всадники у ворот!

Коридор взорвался шумом.

Орвин побежал к выходу. Солдаты ринулись следом.

Инесса схватила ближайшую девчонку-служанку и резко приказала уводить детей.

Дмитрий сделал шаг, но я схватила его за здоровую руку.

— Куда?

— К воротам.

— Ты едва стоишь.

— Там люди.

— Там смерть.

— Значит, мне туда.

Я хотела сказать: “Не смей”. Хотела сказать: “Ты нам нужен”. Хотела сказать что-то злое, чтобы скрыть страх.

Но Алиса вдруг протянула к нему руку.

— Папа...

Он наклонился к ней.

— Я скоро.

Она заплакала.

— Ты обещал стараться.

Дмитрий закрыл глаза.

Это попало.

Сильнее любого упрёка.

Он коснулся губами её лба.

— Тогда я постараюсь вернуться.

И ушёл.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри снова открывается старая рана.

Он всегда уходил.

На работу.

В молчание.

К другой женщине.

Теперь — к воротам, где ждали враги.

Только раньше я оставалась одна с обидой.

А теперь — с ребёнком и драконом.

Мирра тихо сказала за моей спиной:

— Он всё равно выберет не вас.

Я повернулась.

Она улыбалась.

Но в её глазах стояли слёзы.

— Каэль всегда выбирает власть.

— Возможно, — сказала я. — Но Дмитрий выберет дочь.

Мирра замерла.

— Кто такой Дмитрий?

Снаружи ударили в ворота.

Раздался голос, усиленный чем-то металлическим, холодный и торжественный:

— Именем Святого Престола! Откройте замок Рейнар!
Вы укрываете дитя драконьей крови!

Алиса зажала уши.

Искрик вдруг расправил крошечные крылья.

На его груди вспыхнула золотая искра.

Такая же вспыхнула на ладони моей дочери.

Я схватила её руку.

— Алиса...

Дочка смотрела на свет с ужасом.

— Мам, оно горячее.

За воротами снова прогремел голос:

— Выдайте девочку до полуночи — и остальные останутся живы!

Я прижала Алису к себе, чувствуя, как её маленькая ладонь пылает у меня под пальцами.

Полночь.

У нас было меньше нескольких часов.

А может, всего одна.

И теперь я точно знала: развод, прошлое, боль, Мирра, измена — всё подождёт.

Потому что этой ночью мне предстояло сделать то, чего я никогда не умела в прежней жизни.

Не уйти.

А удержать свой дом.

Глава 6. До полуночи

До полуночи.

Всего два слова.

Но они ударили сильнее любого грома.

Я стояла в коридоре, прижимая к себе Алису, и чувствовала, как её ладонь горит под моими пальцами. Не обжигает — нет. Скорее пульсирует изнутри, будто в маленькой детской руке билось второе сердце.

Золотой знак проступал на её коже тонкими линиями.

Крыло.

Башня.

И крошечное пламя между ними.

Искрик на руках у Алисы тихо заскулил. Смешной, мокрый, слабый драконёнок теперь был причиной того, что за воротами стояли люди, готовые убить всех в замке.

— Мам, — прошептала Алиса, — я плохая?

Я едва не задохнулась.

— Что?

— Они сказали... дитя драконьей крови. Это плохо?

Где-то снаружи снова ударили в ворота. Глухо, тяжело. Металл о дерево. Весь замок вздрогнул, и с потолка посыпалась пыль.

Я опустилась перед дочерью на колени, взяла её лицо в ладони.

— Послушай меня. Ты не плохая. Никогда. Что бы ни говорили чужие люди, ты моя девочка. Самая добрая, самая светлая, самая любимая.

— А почему они хотят меня забрать?

Потому что взрослые всегда хотят забрать то, чего боятся.

Потому что власть любит детей только тогда, когда может ими управлять.

Потому что в любом мире найдутся люди, которым проще назвать чудо проклятием, чем признать, что они его не контролируют.

— Потому что они боятся Искры, — сказала я. — И не понимают тебя.

Алиса прижала драконёнка к груди.

— Я его не отдам.

— И я тебя не отдам.

Мой голос прозвучал так твёрдо, что даже Мирра, стоявшая у лестницы, перестала улыбаться.

Снаружи снова раздался усиленный голос:

— Лорд Каэль Рейнар! По законам Святого Престола вы обязаны открыть ворота и передать ребёнка на очищение!

Алиса всхлипнула.

Я поднялась.

— Инесса.

Хозяйка замка появилась рядом почти сразу. Лицо у неё было серое, но глаза — живые, цепкие.

— Миледи?

— Уведите Алису в дальнюю кладовую, как мы говорили. Детей туда же. Только тех, кому вы доверяете.

— Да, миледи.

— Нет! — Алиса вцепилась в меня. — Мам, не уходи! Я присела снова и прижала её к себе.

— Я рядом. Я никуда не исчезну. Мне нужно поговорить с папой и с людьми у ворот.

— Они тебя заберут?

— Нет.

— Обещаешь?

Я замерла.

После всего, что случилось, это слово стало страшным.

Обещания ломали семьи. Обещания превращались в ложь. Обещания звучали красиво, пока кто-то не начинал прятать телефон экраном вниз.

Но ребёнку нельзя дать честное “постараюсь”, когда она дрожит от страха.

— Обещаю вернуться к тебе, — сказала я.

Алиса смотрела мне в глаза, будто проверяла, можно ли верить.

Потом кивнула.

И отдала мне Искрика.

Драконёнок оказался неожиданно тёплым. Лёгким. Почти невесомым. Он ткнулся мордочкой мне в ладонь и вдруг тихонько заурчал.

В груди что-то болезненно дрогнуло.

Я не просила ещё одного беспомощного существа, за которое нужно отвечать.

Но он уже был здесь.

И он был связан с моей дочерью.

Значит, теперь тоже мой.

— Берегите её, — сказала я Инессе.

Та впервые посмотрела на меня без прежней колкости.

— Жизнью, миледи.

Алису увели.

Она несколько раз обернулась, и каждый её взгляд впиался в меня крючком. Я стояла, пока она не исчезла за поворотом. Только потом позволила себе вдохнуть.

Мирра тихо сказала:

— Вы правда думаете, что сможете противостоять Престолу?

Я повернулась к ней.

— А вы правда думаете, что я отдам им ребёнка?

— Я думаю, вы не понимаете, что происходит.

— Тогда объясните.

Она подошла ближе. В её лице было меньше яда, чем раньше. Больше усталости.

— Серые плащи не торгуются. Они не уезжают с пустыми руками. Если они пришли за девочкой, значит, приказ подписан высоко. Может, епископом. Может, королевским советом. Может, теми, кто давно хотел стереть Рейнаров окончательно.

— Кто впустил охотника в подземелье?

Мирра застыла.

— Вы думаете на меня?

— Я думаю на всех.

— Каэль доверял мне.

— Каэль, возможно, был идиотом.

Её губы дрогнули. Почти улыбка. Почти боль.

— Был, — сказала она тихо. — Но не в этом.

Я всмотрелась в неё.

Странно.

Я должна была её ненавидеть. Просто потому, что в этом мире она была той самой другой женщиной. Той, что смотрела на моего мужа с правом. Той, что знала дорогу в его спальню.

Но сейчас передо мной стояла не победительница.

А женщина, у которой тоже что-то отняли.

— Если хотите доказать, что вы не враг, — сказала я, — помогите.

— Вам?

— Замку.

— И чем же?

Я протянула ей Искрика.

Она отшатнулась.

— Вы с ума сошли?

— Возможно. Но вы знаете этот мир лучше меня. Где его можно спрятать так, чтобы не нашли серые плащи?

Мирра смотрела на драконёнка так, словно я держала не младенца, а бомбу.

Искрик зевнул.

Выпустил тонкую струйку дыма.

Мирра моргнула.

— Под северной башней есть старая молельня. После пожара туда никто не ходит. Даже слуги. Говорят, там слышны голоса мёртвых драконов.

— Отлично. Значит, суеверные туда не сунутся.

— А если сунутся несуетные?

— Тогда будем разбираться.

Она покачала головой.

— Вы не похожи на Эвелин.

— Сегодня мне это уже говорили.

— Нет. Вы не понимаете. Эвелин боялась собственной тени. Она кричала на служанок, потому что не могла кричать на мужа. Плакала от каждого слуха. И ненавидела этот замок.

Я сжала Искрика крепче.

— Может, она просто была несчастна.

Мирра посмотрела на меня иначе.

— Может.

Снаружи снова ударили в ворота.

На этот раз за ударом последовал треск.

Мирра побледнела.

— Долго они не выдержат.

— Значит, у нас мало времени.

Я развернулась и пошла к выходу во двор.

— Вы куда? — спросила она.

— Смотреть, кто требует моего ребёнка.

— Это глупо.

— У меня сегодня богатый день на глупости.

Во дворе было холодно, мокро и страшно.

Дождь почти закончился, но воздух висел тяжёлый, сырой. На стенах метались факелы. Стражники стояли у ворот, слишком худые для защитников крепости, слишком испуганные для героев. Некоторые крестились. Некоторые шептали молитвы.

На стене, над главной башней, всё ещё горел знак.

Золотой дракон вокруг серебряной башни.

Он не пылал как пожар. Он светился ровно, упрямо, будто заявлял всему миру: мы вернулись.

У ворот стоял Дмитрий.

Без плаща. С перевязанным плечом. Бледный, с мокрыми волосами, но прямой. Рядом — Орвин и несколько солдат. Один держал щит, другой — арбалет, и по тому, как он его держал, было понятно: стрелять он боится больше, чем умереть.

Дмитрий обернулся, когда я подошла.

— Я просил тебя остаться с Алисой.

— А я не твоя подчинённая.

— Марина...

— Здесь я Эвелин. Не забывай.

Он шумно выдохнул.

— Хорошо. Эвелин. Тебе опасно быть здесь.

— Всем опасно быть здесь.

— Именно поэтому...

— Нет, Дима. Не начинай. Ты больше не решаешь за меня,

где мне стоять.

Он замолчал.

За воротами снова прозвучал голос:

— Последнее предупреждение! Откройте!

Я поднялась на деревянный помост у стены. Орвин хотел остановить, но Дмитрий жестом велел ему не трогать.

С высоты я увидела их.

Человек двадцать. Может, больше. Серые плащи, тяжёлые кони, металлические маски у некоторых на лицах. Впереди — высокий мужчина с посохом, навершие которого было в форме перечёркнутого пламени.

Он поднял голову.

— Леди Эвелин Рейнар.

Я не знала, как отвечать по местным законам.

Поэтому ответила по-своему.

— Вы стоите у моих ворот.

Мужчина усмехнулся.

— Ваша дерзость неуместна. Вы укрываете дитя скверны.

— Я укрываю свою дочь.

По рядам серых плащей прошёл шёпот.

— У вас нет дочери, леди Рейнар.

— Теперь есть.

— Ложь не спасёт вас. Девочка несёт кровь зверя. Она должна быть передана Престолу.

— Для чего?

Мужчина чуть наклонил голову.

— Для очищения.

— Что это значит?

Он молчал.

И этого хватило.

— То есть вы хотите забрать четырёхлетнего ребёнка, потому что она испугала вас светящейся рукой?

— Она пробудила дракона.

— Она ребёнок.

— Она оружие.

— Нет. Оружие держите вы.

Я слышала, как за моей спиной кто-то втянул воздух. Наверное, Орвин. Может, Дмитрий.

Мужчина у ворот перестал улыбаться.

— Вы не понимаете, с кем говорите.

— С человеком, который пришёл ночью к замку и требует выдать маленькую девочку. Этого достаточно.

— Лорд Рейнар! — крикнул он уже громче. — Обуздайте свою жену!

Дмитрий поднялся рядом со мной.

Медленно.

Тяжело.

Но встал так близко, что наши плечи почти соприкоснулись.

— Моя жена говорит от имени дома Рейнар, — сказал он.
Я замерла.

Моя жена.

В нашем мире эти слова стали бы ножом.

Здесь — щитом.

Ненавистным.

Нужным.

Голос за воротами похолодел.

— Тогда дом Рейнар выбирает мятеж.

Дмитрий ответил не сразу.

Я почувствовала, как ему тяжело стоять. Как он едва держится. Как кровь снова проступает на повязке.

Но голос его прозвучал ровно:

— Дом Рейнар выбирает не отдавать детей палачам.

На стене кто-то тихо охнул.

Серые плащи зашевелились.

И вдруг я поняла: люди замка слушают. Не только боятся. Слушают.

Им нужен был не просто приказ.

Им нужно было увидеть, что за Алису готовы стоять.

Что если церковь требует ребёнка, господа не прячутся за стенами.

Я подняла голос:

— Люди Рейнара! Сегодня они пришли за моей дочерью.

Завтра придут за вашим сыном, если он родится не таким. За вашей женой, если она знает травы. За вашей матерью, если она вспомнит старую песню. Страх всегда просит только одного человека. Сначала.

Во дворе стало тихо.

Даже дождь будто перестал.

— Я никого не заставляю умирать за нас, — продолжила я. — Кто хочет уйти — пусть уйдёт через северный ход. Но кто останется, тот будет защищать не дракона. Не меня. Не лорда. А право не отдавать детей тем, кто называет убийство очищением.

Молчание.

Долгое.

Страшное.

Потом Инесса вышла из дверей кухни с большим ножом в руке.

— Мой сын умер от горячки, потому что священник запретил лекарю резать нарыв, — сказала она глухо. — Я останусь.

За ней вышел старик с перевязанной рукой.

— Мой брат сгорел как колдун за то, что умел считать звёзды. Я останусь.

Мальчишка-конюх Ровен поднял ржавое копьё.

— Я тоже.

Один за другим люди замка начали поднимать руки. Ножи. Вилы. Топоры. Старые мечи.

Не войско.

Нет.

Голодные, испуганные, измученные люди.

Но они оставались.

Дмитрий посмотрел на меня.

В его глазах было что-то такое, от чего мне захотелось от-
вернуться.

Гордость.

Восхищение.

И боль.

Он прошептал:

— Я не знал, что ты такая.

Я не посмотрела на него.

— Ты многого не знал.

За воротами мужчина в сером плаще поднял посох.

— До полуночи, Рейнары! Потом мы войдём сами!

Серые плащи отступили от ворот.

Не ушли.

Просто начали готовиться.

Орвин выругался.

— Они принесут таран.

— Сколько у нас времени? — спросила я.

Он посмотрел на небо.

— Меньше часа.

Меньше часа.

Я спустилась со стены. Ноги дрожали, но я не позволила

себе остановиться.

— Орвин, укрепить ворота всем, что найдёте. Инесса, детей в кладовую. Мирру найти и отправить к северной башне с Искриком.

— С Искриком? — переспросил Дмитрий.

— Я отдала ей драконёнка.

Он уставился на меня.

— Ты что?

— Она знает замок.

— Ты ей доверяешь?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет. Но сейчас мне приходится работать с теми, кто есть. Знакомо?

Он вздрогнул.

Попала.

Но сейчас не было времени жалеть.

Вдруг из коридора донёсся детский крик.

— Мамочка!

Я обернулась.

Алиса бежала через двор ко мне. За ней — испуганная служанка.

— Простите, миледи! Она вырвалась!

Но я уже смотрела не на служанку.

А на Алису.

На её ладонь.

Знак на коже горел всё ярче.

Слишком ярко.

Дочь подбежала и вцепилась в меня.

— Мам, Искрик плачет! Его несут не туда!

Холод прошёл по спине.

— Что значит не туда?

Алиса подняла заплаканное лицо.

— Та тётя... рыжая... она сказала, что спасёт его. Но он боится. Он зовёт меня.

Дмитрий побледнел.

Орвин выругался.

А я поняла, что совершила первую ошибку в этом мире.

Доверилась боли другой женщины.

С северной башни вдруг вспыхнул красный огонь.

Не золотой.

Красный.

Тревожный.

И из темноты за воротами раздался торжествующий крик серых плащей.

— Дракон у нас!

Алиса закричала.

Дмитрий схватился за меч.

А я почувствовала, как внутри поднимается такая ярость, какой во мне не было даже в день измены.

Мирра забрала Искрика.

И теперь моя дочь горела вместе с ним.

Глава 7. Красный огонь

Красный огонь над северной башней бил в небо, как рана. Не золотой свет драконьего знака. Не тёплое дыхание Искрика. Не то древнее пламя, которое оживило мёртвые стены замка.

Этот огонь был другим.

Злым.

Тревожным.

Чужим.

Алиса закричала так, что у меня внутри всё оборвалось.

— Искрик!

Она рванулась к башне, но я успела схватить её за талию.

— Нет!

— Мам,пусти! Ему больно!

— Алиса, стой!

Она билась в моих руках, маленькая, мокрая, испуганная, и от её ладони по моим пальцам шёл жар. Знак на коже уже не просто светился — он горел. Тонкие золотые линии расползались выше, к запястью, словно кто-то невидимый рисовал на ней крылья огнём.

Дмитрий оказался рядом.

— Что с ней?

— Не знаю!

Он потянулся к Алисе, но она вдруг вскрикнула ещё силь-

нее.

— Не трогай! Горячо!

На его лице мелькнула такая беспомощность, что на секунду он снова стал не лордом, не Каэлем, не чужим мужчиной с мечом, а просто отцом, который не понимает, как спасти своего ребёнка.

— Орвин! — рявкнул он. — К северной башне!

Капитан уже отдавал приказы.

— Трое со мной! Остальные к воротам! Не дать серым плащам подойти к стене!

Снаружи снова ударили в ворота.

Таран.

Глухой, тяжёлый, ритмичный.

Бум.

Замок вздрогнул.

Бум.

С потолка посыпалась пыль.

Бум.

Люди во дворе закричали.

Серые плащи начали штурм раньше полуночи.

Конечно.

Они получили то, за чем пришли.

Дракона.

Теперь им оставалось забрать ребёнка.

Я подняла Алису на руки, хотя она уже была тяжёлой, а моё чужое тело дрожало от усталости.

— Куда? — спросил Дмитрий.

— За Искриком.

— Ты останешься с Алисой.

— Нет.

— Марина!

Я резко повернулась к нему.

— Ты не понял? Она чувствует его боль. Если они что-то сделают с драконёнком, это ударит по ней. Я не буду стоять в кладовой и ждать, пока моя дочь сторит изнутри!

Он побледнел.

Алиса всхлипнула мне в шею:

— Мам, он зовёт... Он боится темноты...

Я почувствовала, как ярость становится холодной.

Мирра.

Я сама отдала ей Искрика.

Сама.

Поверила не ей — своей глупой надежде, что боль делает людей честнее.

Нет.

Иногда боль делает людей злее.

Мы бросились к северной башне.

Коридоры замка будто изменились. Ещё час назад они были мёртвыми, сырыми, равнодушными. Теперь стены дрожали от ударов тарана, факелы метались огненными языками, а где-то в глубине камня слышался низкий гул — словно замок просыпался и не понимал, кого ему защищать.

На повороте нам навстречу выскочила служанка.

— Миледи! Там серые! Они уже внутри!

Орвин схватил её за плечи.

— Где?

— Через старый ход у северной башни! Кто-то открыл решётку!

Моё сердце рухнуло.

Не просто похищение.

Предательство.

Мирра не только унесла Искрика. Она открыла путь врагам.

Дмитрий выругался так, что Алиса зажмурилась.

— Я убью её.

Я посмотрела на него.

— Сначала спасём дракона.

Он хотел ответить, но очередной удар тарана перекрыл всё.

Бум.

Где-то далеко затрещало дерево.

Ворота долго не выдержат.

Мы свернули в узкий переход. Здесь было темнее. Стены покрывали старые копоты, и под ногами хрустело битое стекло или каменная крошка. Алиса вдруг затихла.

Это испугало меня сильнее крика.

— Солнышко?

Она подняла голову.

Глаза у неё светились.

Не отражали огонь факелов.

Светились сами.

Золотом.

— Он там, — прошептала она и указала вперёд. — За дверью. Но с ним не тётя.

Мы остановились.

— Что значит не тётя? — спросил Дмитрий.

Алиса нахмурилась, будто слушала кого-то внутри.

— Тётя плачет. Она тоже там. Её связали.

Орвин резко повернулся ко мне.

— Значит, её перехватили.

Я стиснула зубы.

Облегчение пришло вместе со стыдом. Я уже казнила Мирру в голове. Уже сделала её предательницей, потому что так было проще. Потому что женщина рядом с чужим мужем всегда кажется врагом.

Но этот мир не был простым.

И люди в нём тоже.

Из-за двери впереди донёсся мужской голос:

— Быстрее. Девчонка скоро придёт за ним. Связь уже открыта.

Другой ответил:

— Нам нужен только зверёныш. Ребёнка заберём после штурма.

Алиса задрожала.

Я прикрыла ей рот ладонью и прижала к себе.

Дмитрий медленно вытащил меч.

Рука у него дрожала от слабости, но лицо стало страшно спокойным.

Орвин показал солдатам жестами: двое налево, один назад, он сам к двери.

Я вдруг поняла, что стою в коридоре средневекового замка, с ребёнком на руках, пока мужчины готовятся ворваться в комнату, где неизвестные фанатики держат драконёнка.

И это не сон.

Не кошмар.

Не глава из чужой книги.

Это моя жизнь.

Дверь распахнули ударом.

Внутри была старая молельня.

Круглая комната без окон, с обвалившимся алтарём и почерневшими статуями драконов, у которых когда-то отбили головы. На полу горел красный круг. Не огонь — скорее свет, жидкий и густой, как кровь.

В центре круга стояла железная клетка.

В клетке бился Искрик.

Он был совсем маленький. Слишком маленький для железа, цепей и страха. Крылья его дрожали, чешуя потускнела, а из груди вырывался тонкий жалобный писк.

У стены лежала Мирра.

Связанная.

С разбитой губой.

Живая.

Она увидела нас и попыталась что-то сказать, но рот был заткнут тканью.

А рядом с клеткой стояли двое серых плащей.

И третий.

Без капюшона.

С лицом человека, которого я уже видела.

Слуга из малой залы.

Тот самый, что стоял у двери, когда Алиса впервые услышала зов.

Он повернулся и улыбнулся мне.

— Леди Эвелин. Как предсказуемо.

Орвин шагнул вперёд.

— Предатель.

Слуга даже не дрогнул.

— Я служу не гниющему дому. Я служу очищению.

Дмитрий бросился к нему.

Но раненое тело подвело.

Он сделал всего два шага, пошатнулся, и один из серых ударил его древком копья в бок. Дмитрий рухнул на колени.

— Папа! — закричала Алиса.

В этот миг Искрик в клетке забился сильнее.

Красный круг вспыхнул.

Алиса выгнулась у меня на руках и вскрикнула от боли.

— Нет! — я упала с ней на колени. — Что вы делаете?!

Слуга спокойно посмотрел на нас.

— Отделяем зверя от носителя.

— Ей четыре года!

— Тем лучше. Связь свежая. Душа мягкая.

Я не сразу поняла смысл.

А когда поняла, внутри меня что-то умерло.

Они не просто забирали драконёнка.

Они рвали связь через Алису.

Через её боль.

Дмитрий поднял голову.

В его глазах не осталось ничего человечески мягкого.

— Тронешь её ещё раз — я вырву тебе горло.

Слуга усмехнулся.

— Вот теперь вы похожи на настоящего Каэля.

Он сделал знак рукой.

Один из серых поднял нож над клеткой.

Искрик заскулил.

Алиса вдруг перестала плакать.

Совсем.

Она выпрямилась у меня на руках. Золотой свет в её глазах стал ярче. Ладонь, которую я держала, больше не была просто горячей — она пылала.

— Не обижайте его, — сказала она.

Тихо.

По-детски.

Но красный круг дрогнул.

Серый с ножом замер.

— Что? — выдохнул слуга.

Алиса сделала шаг вперёд.

Я попыталась удержать её, но не смогла. Не потому, что она стала сильнее физически. Нет. Просто вокруг неё поднялось тепло, мягко, но непреодолимо отодвигая мои руки.

— Алиса!

Она не обернулась.

— Он маленький, — сказала она. — И он мой друг.

Красный круг пошёл трещинами.

Искрик поднял голову.

В груди у него вспыхнула золотая точка.

Такая же — на ладони Алисы.

Слуга побледнел.

— Закрыть круг! Быстро!

Серый с ножом ударил по клетке.

Не по Искрику.

По золотому свету.

Алиса вскрикнула.

Вот тогда я перестала быть испуганной женщиной.

Я не думала о том, что не умею драться. Не думала о платье. О чужом теле. О том, что передо мной вооружённый мужчина.

Я просто схватила обломок каменной статуи и ударила ближайшего серого по голове.

Он рухнул.

Второй повернулся ко мне, но Дмитрий уже был на ногах.
Не знаю как.

Не знаю на чём он держался.

Он врезался в него плечом, раненым, больным, и оба покатились по полу.

Орвин сцепился со слугой. Солдаты ворвались следом. Комната наполнилась криками, звоном металла, запахом крови и горелой пыли.

Я бросилась к клетке.

Замок был железный. Тяжёлый. На нём светился тот же красный знак.

— Искрик, тихо, маленький, тихо...

Драконёнок смотрел на меня огромными золотыми глазами.

Он был ребёнком.

Просто ребёнком другого вида.

И я снова подумала: сколько детей в этом мире успели называть оружием, прежде чем убить?

Алиса подошла рядом.

— Мам, открой.

— Я не могу, солнышко.

— Можешь.

Она положила свою ладонь на мою.

И мир вспыхнул.

Я увидела не комнату.

Не бой.

Не серых плащей.

Я увидела башню в огне.

Женщину с младенцем на руках.

Огромного золотого дракона, закрывающего крыльями замок.

И слышала голос.

Низкий.

Древний.

Женский.

Кровь не принадлежит страху.

Кровь принадлежит тем, кто защищает.

Замок на клетке раскалился.

Я вскрикнула, но не убрала руку.

Железо треснуло.

Дверца распахнулась.

Искрик вывалился прямо мне в ладони, дрожащий, горячий, живой.

Алиса заплакала от облегчения.

— Искрик...

Драконёнок ткнулся ей в грудь.

Золотой свет между ними вспыхнул так ярко, что все в комнате на секунду ослепли.

Когда я снова смогла видеть, бой почти закончился.

Один серый лежал без сознания. Второй был прижат к полу солдатом. Слуга-предатель стоял на коленях, а Орвин дер-

жал меч у его горла.

Мирра, всё ещё связанная, смотрела на меня с пола.

Я бросилась к ней и выдернула ткань изо рта.

— Я не предавала, — прохрипела она сразу. — Я хотела спрятать его. Он ждал здесь. С людьми Престола.

— Почему ты пошла одна?

Она болезненно усмехнулась.

— Потому что вы бы мне всё равно не поверили.

Я замерла.

И не нашла, что ответить.

Снаружи снова ударил таран.

Теперь ближе.

Громче.

Потом раздался треск — долгий, страшный, окончательный.

Орвин резко поднял голову.

— Ворота.

В коридоре закричали:

— Они прорвались!

Дмитрий, тяжело дыша, подошёл к нам. На повязке расплывалось свежее красное пятно. Он едва стоял.

Я хотела сказать ему, что он идиот.

Что он должен был лежать.

Что он опять лезет туда, где может умереть.

Но он посмотрел не на меня.

На Алису.

— Мышка, ты цела?

Она кивнула и вдруг протянула к нему руку.

— Папа, Искрик говорит, что ты тоже горишь.

Дмитрий нахмурился.

— Что?

Искрик поднял голову.

Посмотрел на него.

Потом на меня.

И тихо пискнул.

На груди Дмитрия, под разорванной рубахой, сквозь кровь и бинты, начал проступать знак.

Не красный.

Золотой.

Такой же, как на ладони Алисы.

Орвин побледнел.

Мирра прошептала:

— Невозможно...

Я смотрела на знак и не могла дышать.

— Что это значит?

Орвин медленно опустил меч.

— Это знак защитника.

— Какого ещё защитника?

Капитан посмотрел на Дмитрия так, будто увидел не раненого лорда, а приговор судьбы.

— Драконья кровь признала его частью круга.

Я едва не рассмеялась.

Нет.

Не может быть.

Мужчина, который разрушил нашу семью, теперь признан её защитником?

Судьба, видимо, решила не просто издеваться.

Она решила добить меня красиво.

Дмитрий сам смотрел на знак с ужасом.

— Я не достоин.

Это прозвучало так тихо, что слышала только я.

И почему-то именно эти слова ударили сильнее всего.

Потому что раньше он бы спорил.

Оправдывался.

Доказывал.

А теперь просто сказал правду.

Снаружи раздался новый крик:

— Серые во дворе!

Орвин резко повернулся:

— Милорд, нужно отступить к внутренней стене!

Дмитрий поднял меч.

— Нет.

Я похолодела.

— Даже не думай.

Он посмотрел на меня.

В его лице было всё: боль, вина, страх, решимость.

— Они идут за Алисой.

— Ты ранен.

— Знаю.

— Ты умрёшь.

— Возможно.

Я ударила его по лицу.

Не сильно.

Но звонко.

Все замерли.

Даже Искрик перестал пищать.

Дмитрий медленно повернул голову обратно.

Я дышала часто, зло, почти с рыданием.

— Не смей, — сказала я. — Не смей снова выбирать красивый уход вместо тяжёлой жизни. Не смей делать из себя героя, чтобы мне потом объяснять дочери, почему папа опять исчез. Хочешь защищать? Живи. Понял?

Он смотрел на меня долго.

Очень долго.

Потом кивнул.

— Понял.

— Тогда защищаем вместе.

Я подняла Искрика и передала его Алисе. Драконёнок спрятался у неё под курткой, только золотые глаза блеснули в темноте.

Мирра с трудом поднялась на ноги.

— Я знаю ход к внутренней стене. Там можно вывести детей в старую оружейную.

— Веди, — сказала я.

Она кивнула.

Больше не ядовито.

Без улыбки.

Просто как человек, который тоже решил остаться.

Мы выскочили в коридор.

И сразу слышали бой.

Серые плащи уже были в замке. Их шаги гремели по камню. Где-то кричала женщина. Кто-то звал лекаря. Пахло дымом, кровью и мокрой шерстью.

Но под этим был другой запах.

Тёплый.

Горький.

Древний.

Драконий.

Алиса вдруг остановилась.

— Мам...

— Что?

Она посмотрела вверх.

— Большой проснулся.

Замок содрогнулся.

Не от тарана.

Из глубины горы, под фундаментом, поднялся рёв.

Такой мощный, что все факелы разом вспыхнули золотом.

Серые плащи в коридоре закричали.

А я поняла: Искрик был не последним чудом этой ночи.

Он был только ключом.

И кто-то огромный, древний и очень злой только что открыл глаза под нашим замком.

Глава 8. Тот, кто спал под замком

Рёв поднялся из-под земли.

Не из леса.

Не из неба.

Из самой глубины замка.

Он прошёл через стены, через пол, через моё тело, заставив сердце на миг сбиться с ритма. Камни под ногами дрогнули. С потолка посыпалась пыль. Факелы в коридоре вспыхнули золотым пламенем, таким ярким, что серые плащи, выскочившие из бокового прохода, закрыли лица руками.

— Назад! — крикнул Орвин.

Но было поздно.

Серые уже увидели нас.

Увидели Алису.

Увидели слабое золотое свечение у неё под курткой, где прятался Искрик.

Один из них поднял меч.

— Девчонка здесь!

И всё вокруг взорвалось движением.

Дмитрий шагнул вперёд, хотя ещё минуту назад я ударила его по лицу за попытку героически умереть. Он держал меч неловко, но крепко. На груди у него, под разорванной тканью, горел золотой знак защитника.

Часть меня хотела заорать на него, чтобы отошёл.

Другая — видела, как Алиса прячется за моей юбкой, и понимала: сейчас нам нужна любая стена.

Даже такая раненая.

Даже такая ненадёжная.

— К оружейной! — крикнула Мирра.

Она бежала впереди, придерживая порванный рукав платья. Разбитая губа кровоточила, волосы выбились из косы, но в её движениях больше не было прежней ленивой ядовитости. Сейчас она была злой, быстрой и очень живой.

И, что хуже всего, полезной.

Я ненавидела, что мне приходилось радоваться этому.

— Держитесь правой стены! — бросила она. — Левый ход обвалился!

Серые бросились за нами.

Орвин с двумя солдатами встретил их у поворота. Звон металла ударил по ушам. Один из стражников Рейнара вскрикнул и упал. Я не успела увидеть, жив он или нет. Не имела права останавливаться.

На руках у меня была Алиса.

Под её курткой шевелился Искрик.

А за нами шла смерть.

— Мам, большой злится, — прошептала дочь.

— Кто большой?

— Тот, кто внизу.

Искрик высунул мордочку из-под её куртки и тонко пискнул, будто соглашаясь. Его золотые глаза светились тревож-

но. Он смотрел не назад, где были серые, а вниз. Сквозь камень.

Замок снова содрогнулся.

Где-то далеко в стене с грохотом осыпалась кладка.

Серые плащи закричали. Не боевым криком. Испуганным.

— Что там происходит?! — выкрикнул Дмитрий, отбивая удар.

Орвин рявкнул в ответ:

— Если бы я знал, милорд, я бы уже молился правильному богу!

Мы свернули в узкий коридор и выскочили к старой лестнице. Ступени уходили вниз и в сторону, к внутренней стене. Там пахло плесенью, холодом и железом.

Мирра остановилась на площадке.

— Сюда. Оружейная за решёткой.

— Там дети? — спросила я.

— Если Инесса успела.

Если.

Я уже ненавидела это слово.

Снизу донёсся плач.

Детский.

У меня внутри всё оборвалось.

— Алиса, крепче держись.

Я побежала вниз так быстро, как позволяли чужое платье, усталость и страх. Алиса обнимала меня за шею, а Искрик

цеплялся коготками за ткань её куртки.

За решёткой старой оружейной действительно были дети.

Пятеро. Семеро. Больше. Малыши, подростки, две девочки-служанки, мальчишка-конюх Ровен с ржавым копьём в руках. Инесса стояла у двери с кухонным ножом, и лицо у неё было такое, что даже вооружённый солдат, наверное, подумал бы дважды, прежде чем подойти.

— Миледи! — выдохнула она. — Сюда!

Мы ворвались внутрь.

Инесса захлопнула решётку за нами. Ровен тут же просунул железный штырь в скобы.

— Долго не выдержит, — сказал он и сглотнул.

Ему было лет двенадцать.

В двенадцать дети должны драться палками во дворе, а не решать, выдержит ли решётка против фанатиков с мечами.

Я опустила Алису на пол.

— Все дети к дальней стене. Быстро. Тихо.

Они послушались.

Не потому, что я была леди.

Потому что взрослые рядом с ними боялись, а я говорила так, будто знала, что делать.

Хотя я не знала.

Боже, я вообще ничего не знала.

Дмитрий и Орвин влетели последними. Дмитрий захлопнул вторую створку, задвинул тяжёлый засов и почти рухнул рядом. Его лицо было серым. Повязка полностью пропита-

лась кровью.

— Дима...

Имя сорвалось само.

Он поднял взгляд.

На секунду между нами не было ни замка, ни серых, ни Мирры, ни измены. Только я, он и тот страшный факт, что он мог умереть прямо здесь, у старой оружейной, пока наша дочь смотрит.

— Я жив, — сказал он тихо.

— Пока.

— Ты всегда умела поддержать.

Я бы рассмеялась, если бы за дверью не раздались шаги.

Много шагов.

Серые плащи добрались до лестницы.

Искрик зашипел у Алисы на руках. Совсем по-детски, тонко и нестрашно, но дети всё равно отпрянули.

— Он не кусается, — быстро сказала Алиса. — Он хороший.

Одна маленькая девочка с косичками всхлипнула:

— Из-за него нас убьют.

Алиса побледнела.

Искрик прижался к ней.

Я подошла к девочке и присела.

— Нас хотят убить не из-за него. А из-за тех, кто решил, что может забирать детей.

Она шмыгнула носом.

— А вы их прогоните?

Вот он.

Самый страшный вопрос.

Не потому, что детский.

А потому, что честный.

Я хотела сказать “да”.

Очень хотела.

Но теперь каждое обещание казалось мне стеклом: красивым, хрупким, режущим.

— Я сделаю всё, чтобы выжили вы, — сказала я. — Все вы.

И это было единственное, что я могла дать.

Снаружи ударили по решётке.

Дети закричали.

— Открывайте именем Престола! — раздался голос.

Орвин поднял меч. Двое солдат встали рядом. Дмитрий тоже попытался подняться.

Я схватила его за плечо — здоровое.

— Сиди.

— Не сейчас.

— Именно сейчас. Ты не удержишь меч.

— Удержу.

— Ты держишься на упрямстве и злости.

Он посмотрел на меня.

— А ты?

Я замолчала.

Потому что он был прав.

У меня не было силы. Не было плана. Не было магии.

Только упрямство.

Злость.

И ребёнок за спиной.

И, возможно, именно так в женщинах просыпается то, что потом называют властью.

Новый удар по решётке.

Металл застонал.

И тут Алиса вдруг вышла вперёд.

— Солнышко, назад!

Она не послушалась.

Искрик сидел у неё на руках, расправив крошечные крылья. Знак на ладони Алисы светился ярче, чем факелы. Золотые линии поднимались по её руке, но на этот раз она не плакала.

— Мам, большой говорит, что дверь не выдержит.

— Что ещё он говорит?

Алиса прислушалась.

Её лицо стало серьёзным, почти взрослым. Это было неправильно. До боли неправильно.

— Он спрашивает, кто мы.

Замок содрогнулся снова.

Но теперь дрожь была не хаотичной.

Она шла волнами.

Будто кто-то огромный дышал под нами.

Мирра медленно отступила от стены.

— Нет... этого не может быть.

— Что? — спросила я.

Она смотрела на каменный пол.

— Под Рейнаром нет живого дракона. Последний погиб в пожаре.

Искрик пискнул.

Алиса покачала головой.

— Не погиб.

Мирра побледнела.

— Что она сказала?

Алиса подняла глаза на меня.

— Он не весь умер.

За решёткой снова ударили. Один прут выгнулся внутрь.

Ровен всхлипнул, но остался стоять с копьём.

Серые снаружи начали читать молитву. Глухую, ритмичную, злую. От её звуков золотой свет на руке Алисы дрожал, а Искрик скулил всё тоньше.

Дмитрий поднялся.

На этот раз я не остановила.

Он встал рядом с дочерью.

— Спроси его, — сказал он хрипло.

— Кого?

— Большого. Спроси, что ему нужно.

Алиса посмотрела на меня.

Я кивнула, хотя всё внутри кричало “нет”.

Она закрыла глаза.

И положила ладонь на каменную стену.

Мир исчез.

Не полностью.

Но словно отодвинулся.

Я всё ещё видела оружейную, детей, решётку, серые плащи за ней. Но поверх этого проступило другое.

Огонь.

Крылья.

Башни, которых уже не было.

Женщина с ребёнком, бегущая по этому же коридору.

Мужчина у ворот, горящий заживо, но не выпускающий меч.

Огромный золотой дракон, падающий на замок, чтобы закрыть его своим телом.

И голос.

Тот же, что я слышала у клетки.

Только теперь глубже.

Ближе.

Кто держит мой дом?

Алиса задрожала.

— Мам...

Я шагнула к ней, но Дмитрий вдруг взял мою руку.

Не удержал.

Не приказал.

Просто взял.

Его ладонь была горячей. Знак на груди вспыхнул ярче.
Моя рука в его пальцах дрожала — от страха, злости, памяти.
От всего, что было между нами.

Я хотела вырваться.

Но голос повторил:

Кто держит мой дом?

И я поняла: он спрашивает не Алису.

Он спрашивает нас.

Всех.

Я посмотрела на детей у стены.

На Инессу с ножом.

На Ровена с ржавым копьём.

На Орвина, который стоял перед решёткой, хотя прекрасно понимал, что не выдержит долго.

На Мирру, которая закрывала собой двух малышей, даже если сама делала вид, что ей всё равно.

На Дмитрия.

Бледного.

Раненого.

Виноватого.

Живого.

Я стиснула его руку.

Не как жена.

Не как женщина, которая простила.

А как человек, который стоит у одной стены с другим человеком, потому что за их спинами дети.

— Мы, — сказала я.

Голос дрогнул, но не сломался.

Дмитрий рядом выдохнул:

— Мы держим.

Инесса вдруг шагнула ближе.

— И я.

Ровен поднял копьё.

— И я.

Орвин сказал:

— Дом Рейнар стоит.

Мирра, глядя в пол, почти неслышно произнесла:

— Пока мы стоим.

Золотой свет ударил из стены.

Решётка вспыхнула.

Серые плащи за ней закричали и отпрянули. Их молитва оборвалась. Металл, который секунду назад гнулся под ударами, вдруг стал чёрным, древним, будто его только что вынули из пламени и закалили заново.

Но это было ещё не всё.

Пол под нами треснул.

Не провалился.

Раскрылся тонкими золотыми линиями, которые побежали от ладони Алисы по всей оружейной, дальше — в коридор, выше — по стенам.

Замок просыпался.

На стенах проступили старые знаки. Факелы разгорелись.

Где-то над нами с грохотом опустились решётки, отрезая серых от внутренних переходов.

Снаружи слышались крики.

— Ворота закрылись сами!

— Отступаем!

— Проклятое место!

Главный серый плащ ударил посохом по камню.

— Это не спасёт вас! Драконья скверна всегда пожирает своих носителей!

Алиса открыла глаза.

И голос, который прозвучал из её уст, был не совсем детским.

— Нет.

Одно слово.

Тихое.

Но весь замок замолчал.

Даже серые.

Даже я.

Алиса подняла ладонь.

— Драконы защищают дом.

Искрик расправил крылья.

Под замком снова раздался рёв.

На этот раз не злой.

Ответный.

Серые плащи бросились бежать.

Не все. Несколько остались, но Орвин с солдатами уже

выскочили за решётку, которая сама распахнулась перед ними. Бой вспыхнул снова, но теперь люди Рейнара кричали не от страха.

Они кричали как те, кто впервые за много лет поверил, что замок не мёртв.

Я опустилась перед Алисой на колени.

— Солнышко?

Она моргнула.

Золотой свет в глазах погас.

— Мам... я спать хочу.

И упала мне в руки.

— Алиса!

Дмитрий рухнул рядом.

— Мышка!

Искрик жалобно заверещал, тычась мордочкой в её щёку.

Я прижала дочь к груди. Она дышала. Слабо, но дышала. Её ладонь больше не горела. Знак остался на коже бледным отпечатком, будто ожогом от солнца.

— Лекаря! — заорал Дмитрий так, что голос сорвался. — Лекаря сюда!

Он пытался встать, но сам едва не упал. Я хотела оттолкнуть его, сказать, что он мешает, что я сама, что не надо трогать нас.

Но он смотрел на Алису так, будто весь мир сузился до её дыхания.

И я не смогла.

— Дима, — сказала я тихо. — Дыши. Она жива.

Он посмотрел на меня.

В его глазах стоял такой ужас, что вся моя злость на миг отступила.

Не исчезла.

Нет.

Просто отступила.

Он прошептал:

— Я не переживу, если потеряю её.

Я ответила почти зло:

— Тогда не смей разваливаться.

Он кивнул.

Как солдат.

Как отец.

Как человек, которому впервые дали не прощение, а приказ жить.

И тут из коридора вернулся Орвин.

На его лице не было победы.

Только тревога.

— Серые отступили от внутренних стен, миледи. Но не ушли от замка.

— Что теперь?

Он посмотрел на Алису.

Потом на Искрика.

Потом на Дмитрия, чей золотой знак всё ещё горел сквозь кровь.

— Теперь они пошлют весть епископу. И к рассвету сюда придёт не отряд охотников.

— А кто?

Орвин сглотнул.

— Инквизитор с правом жечь замки.

В оружейной стало тихо.

А где-то глубоко под нами древний дракон снова вздохнул.

Словно ждал.

Словно знал, что настоящая битва ещё даже не началась.

Глава 9. Цена огня

Алиса не просыпалась.

Вот что было самым страшным.

Не серые плащи за стенами.

Не инквизитор, который должен был прийти к рассвету.

Не древний дракон, дышащий где-то под замком.

Не чужой мир, где детей называли оружием.

А то, что моя дочь лежала на широкой кровати в моих по-
коях, маленькая, бледная, с тёмными кругами под глазами,
и не открывала их.

Искрик свернулся у неё на груди, как живой комочек угля
с золотыми прожилками. Он тоже почти не двигался. Только
иногда поднимал голову, тихо пищал и тыкался мордочкой
в Алисины пальцы, будто пытался разбудить её.

— Почему она такая холодная? — спросила я.

Голос был не мой.

Сухой.

Чужой.

Лекарь, худой мужчина по имени Севир, склонился над
Алисой и приложил два пальца к её запястью.

— Она не холодная, миледи. Она истощена.

— Ей четыре года. Она не сражалась.

Он посмотрел на меня устало.

— Сражалась. Просто иначе.

Я сжала край одеяла так сильно, что заболели пальцы.

— Говорите прямо.

Севир осторожно отвёл прядь волос со лба Алисы.

— Драконья связь открылась слишком рано. Обычно дети древней крови растут рядом с драконом годами, постепенно привыкая к огню. Ваша дочь за одну ночь пробудила яйцо, разорвала церковный круг, позвала старую силу замка и удержала связь с новорождённым драконом.

— Что это значит?

— Что взрослый маг после такого мог бы умереть.

Комната качнулась.

Дмитрий, стоявший у стены, резко выпрямился.

— Что?

Севир обернулся к нему.

— Милорд, вам нельзя стоять.

— Мне плевать.

— Ваше плечо снова открылось.

— Я спросил, что с моей дочерью.

Моей.

Это слово вонзилось в меня неожиданно больно.

В нашем мире он тоже говорил “моя дочь”, когда показывал фотографии коллегам, когда покупал ей слишком дорогие игрушки, когда учил кататься на самокате. Но за послед-

ние месяцы я всё чаще чувствовала, что Алиса — моя забота, мой быт, моя усталость, мои ночи без сна.

А теперь он стоял бледный, с серыми губами, едва живой после раны, и смотрел на неё так, будто готов был отдать всё.

Почему же раньше этого было мало?

— Она жива, — сказал лекарь. — И, если связь стабилизируется, проснётся.

— Если? — повторила я.

Севир замолчал.

Я сделала шаг к нему.

— Не смейте молчать. Не сейчас.

Он опустил глаза.

— Если драконёнок выживет, выживет и она.

Искрик тихо пискнул, будто понял.

Я посмотрела на него.

Он был таким маленьким, что в эту секунду весь мой страх почти превратился в злость. На него. На драконов. На этот проклятый замок. На судьбу, которая решила привязать жизнь моей дочери к существу, вылупившемуся несколько часов назад.

А потом Искрик дрогнул во сне и жалобно потянулся к Алисе.

И злость умерла.

Он тоже был ребёнком.

— Что ему нужно? — спросила я.

— Тепло. Еда. Тишина. И девочка рядом.

— Чем кормят драконов?

Севир кашлянул.

— Последний дракон в этих землях умер двадцать лет назад, миледи. Я не имел практики.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

Я обернулась к Инессе, стоявшей у двери.

— На кухне есть мясо?

Она мрачно посмотрела на меня.

— Есть кости. Немного солонины. Две курицы для больных и детей. И три мешка овса, если крысы не добрались.

Дмитрий повернул голову.

— Это всё?

Инесса склонила голову.

— Да, милорд.

В комнате повисла тишина.

Замок Рейнар не просто был слаб.

Он был голоден.

И теперь нам нужно было защищаться от инквизитора с правом жечь замки, имея раненого лорда, обессиленную девочку, новорождённого дракона и две курицы.

Я вдруг рассмеялась.

Тихо.

Почти беззвучно.

Все посмотрели на меня.

Дмитрий — с тревогой.

— Марин...

— Не начинай.

— Ты смеёшься.

— Потому что иначе я начну кричать.

Он замолчал.

Я провела ладонью по лицу. Чужая кожа. Чужие тонкие пальцы. Чужие кольца. На одном — чёрный камень, холодный, тяжёлый.

Кольцо Эвелин.

Жены Каэля.

Леди этого замка.

Хозяйки голода, крови и драконёнка, который мог умереть без завтрака.

— Инесса, — сказала я. — Кости — в бульон. Солонину мелко порезать. Куриц пока не трогать. Одну — детям, если будет совсем плохо. Вторую — Искрику, но не сразу. Сначала попробуем бульон и мелкие кусочки. Овёс проверить. Всё испорченное убрать. Крыс поймать.

Инесса моргнула.

— Крыс?

— Если дракон ест мясо, пусть начинает с вредителей.

Сефир издал странный звук. То ли кашель, то ли подавленный смешок.

Дмитрий посмотрел на меня так, будто снова увидел впервые.

— Что? — резко спросила я.

— Ничего.

— Тогда не смотри.

— Не могу.

Тишина стала другой.

Опасной.

Не из-за врагов.

Из-за памяти.

Когда-то он смотрел на меня так утром, пока я красилась перед работой. Я спрашивала: “Что?” А он отвечал: “Ничего. Просто ты красивая”. И я смеялась, потому что верила.

Я отвернулась первой.

— Севир, что нужно Алисе?

— Сон. Тёплая вода, если проснётся. И не разлучать с драконом.

— А ему?

— То же самое.

— А милорду? — спросила Инесса сухо.

Я посмотрела на Дмитрия.

Он всё ещё стоял.

Упрямый идиот.

— Милорду нужно лечь, пока он не упал лицом на пол.

— Я пойду к людям, — сказал он.

— Ты пойдёшь к кровати.

— У ворот остались серые.

— У ворот Орвин.

— Инквизитор придёт к рассвету.

— Значит, к рассвету нам нужен живой лорд, а не героический труп.

Он сжал челюсть.

— Я не могу лежать, пока они там.

— Можешь. Просто тебе неприятно быть бесполезным.

Попала.

Он вздрогнул.

Комната замерла.

Инесса сделала вид, что рассматривает пол. Севир — что проверяет пузырьки в сумке.

Дмитрий смотрел на меня долго.

А потом тихо сказал:

— Да. Неприятно.

Я не ожидала честности.

И от этого растерялась.

Он продолжил, уже ниже:

— Неприятно понимать, что я не могу защитить вас так, как должен. Неприятно смотреть, как ты держишься, пока я едва стою. Неприятно знать, что даже здесь тебе приходится тащить всё на себе.

Я почувствовала, как горло сжимается.

Нет.

Не сейчас.

Только не сейчас.

— Не надо.

— Марина...

— Я сказала — не надо.

Он замолчал.

Но поздно.

Слова уже вошли под кожу.

В нашем мире я ждала их месяцами. Годами, наверное. Не красивых “прости”, не цветов, не обещаний. А вот этого простого признания: “ты тащишь”. “я вижу”. “мне жаль”.

И он сказал это только здесь.

В мире, где нас хотели сжечь.

Какая издевательская справедливость.

Севир всё-таки настоял, чтобы Дмитрия увели в соседнюю комнату и заново перевязали плечо. Он сопротивлялся ровно до того момента, пока Алиса во сне не всхлипнула и не прошептала:

— Папа, не уходи...

Дмитрий побледнел.

Сел рядом с кроватью и взял её маленькую руку здоровой ладонью.

— Я здесь, мышка.

Алиса не проснулась.

Но её пальцы чуть сжались.

Я увидела, как у него дрогнуло лицо.

Он наклонился и поцеловал её ладошку.

— Я здесь, — повторил он. — И никуда не уйду.

Я отвернулась к окну.

Не потому, что не хотела видеть.

Потому что хотела слишком сильно.

За окном двор жил тревожной ночью. Люди таскали бочки к воротам, укрепляли створки, чинили решётки, перевязывали раненых. Над башней всё ещё горел золотой знак Рейнаров, но теперь его свет казался не победой, а маяком для врагов.

Маяком, который кричал всему миру: приходите, мы здесь.

Через некоторое время в покои вошёл Орвин.

На лице у него была копоть, на рукаве кровь. Не его — или не только его.

— Докладывай, — сказал Дмитрий.

Я даже не стала спорить. Пусть говорит. Лежать и командовать — лучше, чем падать в коридорах.

Орвин поклонился.

— Серые отошли к старой дороге. Ставят лагерь. Их осталось пятнадцать. Двое наших убиты, пятеро ранены. Предатель взят живым.

— Где он? — спросила я.

— В нижней кладовой. Под стражей.

— Он говорил?

— Пока нет.

Дмитрий поднял голову.

— Заговорит.

В его голосе было что-то такое, от чего даже мне стало холодно.

Я медленно сказала:

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Что нет?

— Ты не будешь пытаться человека в замке, где спят дети.

— Он едва не убил нашу дочь.

— Я знаю.

— Он привёл серых к Искрику.

— Я знаю.

— Тогда не проси меня быть мягким.

Я шагнула ближе.

— Я не прошу быть мягким. Я прошу быть умным. Если ты сорвёшь на нём злость, мы получим его боль. Если зададим правильные вопросы — получим имя того, кто отдал приказ.

Орвин чуть заметно кивнул.

Дмитрий молчал.

Потом выдохнул:

— Хорошо. Допрашивать будешь ты.

— Я?

— Ты сейчас мыслишь яснее меня.

Я ожидала спора.

Не признания.

Опять.

Слишком много правильных слов за одну ночь, Дима.

Я не успевала строить против них стены.

— После того как Алиса проснётся, — сказала я.

— После того как Алиса проснётся, — согласился он.

И именно в эту секунду дочь открыла глаза.

Тихо.

Без крика.

Просто моргнула, посмотрела на потолок, потом на меня.

— Мам...

Я бросилась к ней.

— Солнышко!

Искрик встрепенулся, запутался в одеяле и радостно пискнул. Алиса слабо улыбнулась.

— Он голодный.

Я засмеялась и заплакала одновременно. Прижала её к себе осторожно, боясь сломать, разбудить боль, спугнуть это чудо.

Дмитрий сидел рядом, закрыв лицо рукой.

Его плечи дрожали.

Я видела.

Все видели.

Но никто не сказал ни слова.

Алиса повернула голову к нему.

— Папа?

Он тут же опустил руку.

— Я здесь.

— Ты правда не ушёл?

— Правда.

Она долго смотрела на него.

А потом спросила:

— Даже если мама злится?

В комнате стало тихо.

Дмитрий посмотрел на меня.

Потом снова на дочь.

— Даже если мама злится. Даже если мама не простит меня. Даже если мне придётся стоять далеко и ждать. Я всё равно буду рядом, если вы позволите.

Алиса нахмурилась.

— А почему мама не простит?

Я застыла.

Вот оно.

То, от чего я бежала даже в нашем мире.

Как объяснить ребёнку измену? Как сказать маленькой девочке, что папа сделал больно маме не случайно, не потому что забыл купить хлеб, а потому что выбрал чужое тепло вместо семьи?

Дмитрий вдруг сказал:

— Потому что я её обидел.

Я медленно повернулась к нему.

Он говорил с Алисой, но каждое слово было для меня.

— Очень сильно. И не один раз. Я думал только о себе, а должен был думать о вас. Мама имеет право злиться.

Алиса смотрела серьёзно.

— Ты плохой?

Дмитрий закрыл глаза.

Открыл.

— Я поступил плохо.

— А теперь?

Он сглотнул.

— А теперь хочу научиться поступать правильно.

Алиса подумала.

Потом протянула ему Искрика.

— Тогда покорми его. Он тоже маленький. Его нельзя обижать.

Дмитрий принял драконёнка так осторожно, будто тот был из стекла.

Искрик обнюхал его пальцы.

Чихнул искрой.

Дмитрий дёрнулся.

Алиса тихо засмеялась.

И этот смех был первым настоящим звуком жизни в замке Рейнар за всю ночь.

Я не простила.

Даже близко нет.

Но на секунду мне стало легче дышать.

Ровно на секунду.

Потому что дверь распахнулась без стука.

На пороге стояла Мирра.

Бледная.

С перепуганными глазами.

В руках она держала чёрный пергамент, запечатанный серым воском.

— Это было в седельной сумке предателя, — сказала она.
— Вы должны это увидеть.

Орвин взял пергамент, сломал печать и пробежал глазами.

Лицо его изменилось.

— Что там? — спросил Дмитрий.

Капитан молчал слишком долго.

Тогда я вырвала лист у него из рук.

Буквы вспыхнули смыслом в голове.

Девочку доставить живой.

Драконёнка сохранить.

Лорда и леди устранить.

В случае пробуждения старшего дракона — не вступать в бой.

Дождаться инквизитора Эраша.

Он знает имя, которым можно подчинить древнего.

Я перечитала последнюю строку.

Один раз.

Второй.

Холод медленно поднялся от пальцев к сердцу.

— Они не хотят убить большого дракона, — прошептала я.

Орвин побледнел.

Дмитрий поднялся, забыв про рану.

Алиса прижала Искрика к себе.

— Они хотят забрать его, — сказала я.

И где-то глубоко под замком древнее существо снова вздохнуло.

На этот раз не как защитник.

А как тот, кто услышал своё имя во сне.

Глава 10. Имя, которым подчиняют

Пергамент дрожал у меня в руках.

Не потому, что в комнате было холодно.

Хотя холод здесь жил везде: в каменных стенах, в щелях между ставнями, в мокрых плащах, в глазах людей, которые слишком быстро привыкли считать смерть обычным делом.

Нет.

Я дрожала потому, что наконец поняла: серые плащи пришли не просто за моей дочерью.

И даже не за Искриком.

Они пришли за тем, кто спал под замком.

За древним драконом, чьё дыхание уже несколько раз проходило через камень, как далёкая гроза. За существом, которое, возможно, единственное могло защитить нас от инквизитора.

И у врага было имя.

Имя, которым можно подчинить древнего.

— Что это значит? — спросила я.

Голос прозвучал слишком спокойно. Даже чуждо.

Орвин стоял у стола, бледный, с застывшим лицом.

— В старых хрониках писали, что истинное имя дракона даёт власть над ним. Не полную. Не навсегда. Но достаточно, чтобы заставить его проснуться, выйти из логова... или сжечь тех, кого он должен защищать.

Я медленно посмотрела на Алису.

Дочь сидела на кровати, всё ещё слабая после обморока. Искрик лежал у неё на коленях, свернувшись в маленькое чёрно-золотое кольцо. Он поднял мордочку, будто услышал слово “имя”, и тихо зашипел.

— То есть этот инквизитор может заставить большого дракона напасть на замок? — спросил Дмитрий.

Он стоял рядом с окном, держась здоровой рукой за спинку кресла. Севир только что заново перевязал ему плечо, но кровь всё равно проступала сквозь ткань. Лицо у него было серое от боли, но глаза — ясные.

Ненавижу.

Я не хотела замечать, когда он держится.

Не хотела видеть, как ему плохо.

Не хотела вспоминать, что когда-то именно эта упрямая складка между бровями заставляла меня верить: рядом с ним ничего не страшно.

Теперь страшно было именно рядом с ним.

Орвин ответил:

— Если он действительно знает имя — да, милорд.

Мирра, стоявшая у двери, глухо сказала:

— Но истинные имена драконов не записывали. Их хранили только всадники. Последний всадник Рейнаров умер двадцать лет назад.

— Или не умер, — тихо сказала Алиса.

Все посмотрели на неё.

Она погладила Искрика одним пальцем между крошечных рожек.

— Большой не умер весь. Он спит. И ему больно, когда про имя говорят.

У меня по спине прошёл холод.

— Ты его слышишь?

Алиса кивнула.

— Не словами. Как сон. Только не мой.

Я села рядом с ней на кровать и взяла её ладонь. Знак на коже побледнел, но не исчез. Тонкий рисунок крыла и башни теперь напоминал шрам.

— Солнышко, ты можешь спросить, как его зовут?

Искрик резко поднял голову.

Зашипел громче.

Алиса испуганно отдернула руку.

— Нельзя.

— Почему?

— Он боится.

Дмитрий шагнул ближе.

— Кто боится? Большой?

— Нет, — Алиса посмотрела на него. — Искрик. Если имя сказать вслух, серый человек услышит.

В комнате стало так тихо, что я слышала потрескивание углей в камине.

Серый человек.

Инквизитор?

Или кто-то уже здесь?

Я резко повернулась к Орвину.

— Предатель в кладовой?

— Под стражей.

— Жив?

— Да.

— Тогда пора с ним поговорить.

Дмитрий тут же выпрямился.

— Я иду с тобой.

— Нет.

— Марина...

— Ты едва стоишь.

— Это не обсуждается.

Я поднялась так резко, что Искрик пискнул.

— Ты правда думаешь, что после всего имеешь право говорить мне “не обсуждается”?

Он замер.

Взгляд стал больным.

— Я не это имел в виду.

— А что? Что ты мужчина, поэтому должен идти? Что ты отец, поэтому тебе больнее? Что ты лорд, поэтому я должна стоять в стороне и ждать?

— Я хочу быть рядом.

Слова прозвучали тихо.

И от этого я разозлилась ещё сильнее.

Потому что раньше он не хотел.

Раньше я ждала его рядом за ужином, в поликлинике, на родительских собраниях, ночами с температуращей Алисой. А он был занят, устал, задерживался, раздражался. А потом нашёл себе место, где ему было легко.

— Рядом надо было быть раньше, Дима.

Он вздрогнул.

Я пожалела об этом в ту же секунду.

И не пожалела.

Оба чувства столкнулись внутри так больно, что стало трудно дышать.

Алиса тихо сказала:

— Мам, не ругайся. Папа сейчас упадёт.

Дмитрий закрыл глаза.

Я тоже.

Прекрасно.

Даже ребёнок уже видел то, что он скрывал.

Севир вмешался сухо:

— Милорд действительно упадёт, если продолжит стоять. Но идти может. Медленно. Если ему хочется умереть не сейчас, а чуть позже.

Орвин кашлянул.

Мирра неожиданно усмехнулась.

Дмитрий посмотрел на лекаря.

— Вы всегда так утешаете?

— Только пациентов, которые не слушают.

Я выдохнула.

— Хорошо. Идёшь. Но если начнёшь геройствовать, я сама прикажу Орвину запереть тебя рядом с предателем.

— Принято.

Слишком быстро согласился.

Подозрительно.

Но времени спорить не было.

Алису я оставила с Инессой, Севиром и Миррой. Последней — только потому, что Искрик, как ни странно, не шипел на неё. Драконёнок вообще смотрел на рыжую женщину настороженно, но без страха.

— Если она кашляет, побледнеет, снова начнёт светиться — звать меня сразу, — сказала я Инессе.

— Да, миледи.

— Если Искрик начнёт пищать — тоже.

— Да, миледи.

— Если Мирра...

— Я не съем вашу дочь, Эвелин, — устало сказала Мирра. Я посмотрела на неё.

— Я уже поняла, что не съем. Но предам — пока не исключено.

Она побледнела, но не ответила ядом.

Только тихо сказала:

— Справедливо.

И почему-то это было хуже.

Нижняя кладовая находилась в сыром крыле замка, куда, казалось, даже факелы не хотели гореть. Двое стражников

стояли у двери. Один из них был совсем молодым, с веснушками и разбитой бровью. Когда мы подошли, он выпрямился так резко, будто хотел доказать, что не боится.

Боялся.

Все боялись.

И я тоже.

Предатель сидел на полу, привязанный к железному кольцу в стене. Тот самый слуга. Худощавый, с узким лицом, на котором не было ни раскаяния, ни страха. Только спокойная уверенность человека, который уже решил, что прав.

Я ненавидела таких.

С ними нельзя договориться болью.

Они питаются ею.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он поднял голову.

— Терен, миледи.

— Сколько лет ты служил в замке?

— Девять.

— Значит, знал детей слуг. Ел с этими людьми. Прятался с ними от холода. А потом открыл ход тем, кто хотел их сжечь.

Он улыбнулся.

— Очищение больно только для заражённых.

Дмитрий шагнул вперёд.

Я подняла руку, останавливая его.

К моему удивлению, он остановился.

— Кто приказал тебе? — спросила я.

— Святой Престол.

— Имя.

— У Престола много имён.

— Терен, — сказала я мягче. — Инквизитор Эраш знает имя древнего дракона?

На долю секунды его улыбка дрогнула.

Очень коротко.

Но я увидела.

Дмитрий тоже.

— Значит, знает, — сказал он.

Терен перевёл взгляд на него.

— Вы всё равно падёте, милорд. Как пали ваши предки. Дом Рейнар гнил изнутри задолго до нас.

— Возможно, — ответил Дмитрий. — Но сегодня ты гниёшь в нашей кладовой, а не мы в вашей.

Я едва не посмотрела на него с удивлением.

Не вовремя, Дима.

Не смей быть остроумным, когда я на тебя злюсь.

— Откуда у Эраша имя? — спросила я.

Терен молчал.

Я присела перед ним на корточки. Платье коснулось грязного пола, но мне было всё равно.

— Ты думаешь, я буду угрожать тебе пытками?

Он усмехнулся.

— А разве нет?

— Нет. Ты к ним готов. Тебя учили терпеть боль, чтобы ты

чувствовал себя мучеником. Я не дам тебе такой роскоши.

В его глазах впервые мелькнул интерес.

— Тогда что?

— Я предложу тебе выбор.

— Вы смешны.

— Возможно. Но слушай. Если инквизитор подчинит древнего дракона, он сожжёт замок. Не только меня. Не только лорда. Всех. Детей на кухне. Инессу. Ровена. Твоих бывших товарищей. Даже тех, кто верит в того же бога, что и ты. Потому что ему нужен не чистый замок, а дракон.

Терен сжал губы.

Попала.

— Ты служишь вере, — продолжила я. — А Эраш служит власти. Если он хотел только очистить скверну, зачем ему сохранять драконёнка? Зачем доставлять мою дочь живой? Зачем имя древнего?

Он молчал.

Но уже иначе.

— Ты не обязан спасти нас, — сказала я. — Спаси хотя бы тех, с кем ел девять лет.

Долгая тишина.

Где-то наверху скрипнули балки. Замок вздохнул, будто слушал вместе с нами.

Терен наконец прошептал:

— Имя не полное.

Орвин резко подался вперёд.

— Что?

— У Эраша не полное имя. Осколок. Его нашли в старой часовне после пожара. На кости всадника.

Мир будто сузился.

— Какой кости? — спросил Дмитрий.

Терен посмотрел на него.

— Вашего отца, милорд.

Дмитрий застыл.

Я не сразу поняла, почему это ударило по нему.

Он ведь не Каэль. Не сын этого человека. Не наследник этой крови.

Но тело помнило.

Или роль.

Или сам этот мир требовал от него чувствовать чужую боль как свою.

— Продолжай, — сказала я.

— Осколок имени может разбудить древнего, но не удержит надолго. Поэтому им нужна девочка. Через её связь с молодым драконом Эраш сможет закрепить приказ.

У меня похолодело в груди.

— То есть Алиса нужна ему как поводок.

Терен не ответил.

Ответ и не требовался.

Дмитрий ударил кулаком в стену. Здоровой рукой, но так сильно, что костяшки разбились.

— Дима!

Он даже не посмотрел на кровь.

— Как остановить?

Терен поднял глаза.

— Полное имя должно быть сказано раньше. Тем, кого дракон признает домом.

— Алиса? — спросила я.

— Девочка. Драконёнок. Защитник. И хозяйка.

Последнее слово он произнёс почти с отвращением.

Я медленно выпрямилась.

— Хозяйка?

— Замок уже ответил вам. Вы держали круг. Значит, древний услышит.

Орвин прошептал:

— Драконья клятва.

— Что это?

Капитан посмотрел на нас с Дмитрием.

— Старый обряд рода Рейнар. Его проходили супруги, когда дом был на грани гибели. Всадник, его жена, наследник и дракон становились единым кругом защиты.

Я почти рассмеялась.

Конечно.

Конечно, этому миру мало было просто бросить меня в чужое тело. Мало было снова назвать меня женой человека, который изменил. Мало было связать мою дочь с драконом.

Теперь ему требовалась супружеская клятва.

— Нет, — сказала я.

Дмитрий посмотрел на меня.

— Марина...

— Нет.

Орвин осторожно произнёс:

— Миледи, это может быть единственный способ опередить инквизитора.

— Вы не понимаете.

Голос сорвался.

Я отступила на шаг.

— Вы все не понимаете. Для вас это обряд. Красивая древняя клятва. Для меня — снова встать рядом с мужчиной, который уже однажды поклялся быть верным и не смог.

Дмитрий побледнел.

Не от раны.

От слов.

В кладовой стало так тихо, что даже Терен перестал улыбаться.

Дмитрий медленно сказал:

— Я не прошу тебя верить мне.

— А что просишь?

— Спасти Алису.

Жестоко.

Правильно.

Невыносимо.

Я закрыла глаза.

Передо мной вспыхнула кухня. Белые розы. Сообщение

на экране. Алиса с рюкзачком. Мокрая дорога. Золотой свет.
Потом — дочь на кровати, бледная, с драконом на груди.
Я открыла глаза.

— Если эта клятва хоть как-то привяжет меня к тебе как жену...

— Я не воспользуюсь этим, — сказал Дмитрий.

Я горько усмехнулась.

— Как много теперь стоят твои обещания?

Он принял удар.

Не отвернулся.

Не оправдался.

Только сказал:

— Нисколько. Поэтому пусть условия скажешь ты.

Я молчала.

— Любые, — добавил он.

И в этом “любые” было что-то новое.

Не власть.

Не требование.

Не попытка вернуть.

Выбор, отданный мне в руки.

Я медленно вдохнула.

— Хорошо. Первое: клятва ради Алисы, не ради брака.
Второе: ты не называешь это примирением. Третье: после всего, если мы выживем, я сама решу, где мне быть и с кем.
Четвёртое: ни один обряд, закон или дракон не сделает меня твоей собственностью.

Дмитрий ответил сразу:

— Да.

— Подумай.

— Я уже.

— Дима.

— Да, Марина. На всё.

Глупое сердце дрогнуло.

Я возненавидела его за это.

И себя.

Орвин тихо сказал:

— Тогда нужно идти в зал клятв. До рассвета осталось меньше двух часов.

Сверху вдруг донёсся колокол.

Один удар.

Тревожный.

Затем второй.

В дверь кладовой ворвался молодой стражник:

— Капитан! На дороге факелы! Много! Они идут!

Орвин побледнел.

— Инквизитор?

Стражник кивнул.

— И с ним клетка, милорд. Большая железная клетка.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Для кого?

Никто не ответил.

Потому что ответ был очевиден.

Клетка была для моей дочери.

Или для дракона под замком.

А может, для них обоих.

Дмитрий протянул мне руку.

Не требовательно.

Не уверенно.

Просто протянул.

— Пойдём.

Я смотрела на его ладонь.

На кровь на костяшках.

На кольцо Каэля Рейнара.

На мужчину, которому не верила.

И на отца моей дочери, который этой ночью всё ещё стоял рядом.

Я вложила свою руку в его.

— Только ради Алисы.

Он сжал мои пальцы.

Очень осторожно.

— Только ради Алисы.

И где-то глубоко под замком древний дракон открыл глаза.

Глава 11. Клятва не о любви

В зал клятв мы шли молча.

Наверху бил колокол.

Не часто. Не тревожно-беспорядочно, как во время первого нападения. Теперь каждый удар был тяжёлым, размеренным, почти похоронным.

Бом.

Инквизитор приближался.

Бом.

С ним шла железная клетка.

Бом.

И где-то глубоко под замком древний дракон просыпался, потому что враг нёс осколок его имени.

Я держала Алису на руках, хотя Инесса пыталась уговорить меня передать девочку ей. Не смогла. После всего, что случилось за эту ночь, я больше не хотела выпускать дочь даже на шаг.

Алиса была слабой. Головка лежала у меня на плече, пальцы едва держались за ворот моего платья. Искрик сидел у неё под курткой и тихо сопел, иногда высовывая мордочку наружу. На его чёрной чешуе золотые прожилки мерцали в такт Алисиным вдохам.

Они дышали почти вместе.

И это пугало меня до тошноты.

— Мам, — прошептала Алиса.

— Что, солнышко?

— Мы идём к большому?

Я посмотрела на тёмную лестницу впереди.

— Да.

— Он грустный.

— Почему?

Алиса закрыла глаза, будто прислушиваясь.

— Он долго был один.

Дмитрий шёл рядом.

Сефир запретил ему двигаться, ругался, грозился, что рано снова откроется, но Дмитрий только молча взял меч и поднялся. Сейчас он был бледный, с заострившимся лицом, но держался. На груди под рубахой слабо светился знак защитника.

Я старалась не смотреть.

Плохо получалось.

Каждый раз, когда он спотыкался, моё тело дёргалось раньше мысли. Хотело поддержать. Удержать. Спасти.

Я ненавидела эту привычку любить.

Даже когда любовь уже стала болью.

Орвин шёл впереди с факелом. За ним — Мирра. Рыжие волосы были кое-как перевязаны лентой, на губе запеклась кровь. Она держалась прямо, но пальцы сжимали ткань платья так сильно, что костяшки побелели.

У входа в подземелье она вдруг остановилась.

— Эвелин.

Я тоже остановилась.

— Что?

Она не смотрела на Дмитрия. Только на меня.

— Если клятва работает, замок признает вас хозяйкой окончательно.

— И?

— Тогда люди будут слушать вас, а не меня. Не Орвина. Даже не Каэля, если драконий круг поставит вас в центр.

— Вы меня отговариваете?

Мирра горько усмехнулась.

— Нет. Предупреждаю.

— Зачем?

Она наконец посмотрела на Дмитрия.

В её взгляде была боль. Не яд. Не кокетство. Просто боль женщины, которая долго держалась за мужчину, потому что больше держаться было не за что.

— Потому что я уже однажды любила человека, который считал власть важнее сердца. И проиграла. Не хочу, чтобы вы проиграли замку.

Я молчала.

Не знала, что ответить.

В нашем мире я считала любовницу Дмитрия врагом. Без имени, без лица, просто “она”. Женщина, которая взяла чужое. Женщина, из-за которой мой дом треснул.

Но здесь передо мной стояла Мирра. Тоже не счастливая.

Тоже обманутая чужими обещаниями. Тоже оставшаяся среди обломков.

Это не оправдывало её.

Но делало живой.

— Я не собираюсь любить замок, — сказала я.

Мирра посмотрела на кам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.